891
H-48
M24748

30/VI 15/VII

~~891~~ ~~Н 47~~ } Сеня ~~891~~ ~~Д 96~~ н.

10/XII

22/II

7/XII

~~89 (09)~~

~~Д 96~~

Владимирская Уезд... № 13804 ...отек...

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич.пред.выдач

26.07.12 кр

Цѣна 30 коп.

УЧАЩИМСЯ

ПОСОБІЕ ДЛЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

БІОГРАФІЯ И РАЗБОРЪ ЕГО ГЛАВНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

ВЛАДИМІРСКАЯ
«БИБЛІОТЕКА»
ГОРОДСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ

Цѣна 30 коп.

1821—1877

ИЗДАНІЕ
Книжныхъ магазиновъ Ив. ЗАГРЯЖСКАГО
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

89 (09)
Д 96
8829
891
Н-48

Н. А. Некрасовъ.

Біографія и разборъ его главныхъ произведеній.

Владимирская уездная Центральная Библиотека
№ 13806

СОСТАВИЛИ
Н. И. Дюнькинъ и А. И. Новиковъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Владимира Рябова.

А 244748 ФР
Владимирская гор. центральная библиотека
330 А
Владимирская Областная Библиотека
ДЛЯ КНИГ
Перерегистрировано

ИЗДАНІЕ
Книжныхъ магазиновъ Ив. ЗАГРЯЖСКАГО.
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Тип. В. Безобразова и Ко. В. О., Б. пр. д. № 61.

ОТЪ АВТОРОВЪ.

Предлагая учащимся настоящее пособіе, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ руководящихъ положеніяхъ, которыя создали необходимость появленія въ свѣтъ цѣлаго ряда пособій по русской литературѣ.

Хотя въ настоящее время и существуетъ достаточное количество пособій къ изученію литературы, тѣмъ не менѣе среди учащейся молодежи явно обнаруживается недостатокъ въ такихъ пособіяхъ, благодаря которымъ каждый, ознакомившись съ необходимымъ и готовымъ матеріаломъ, могъ бы приступить къ разработкѣ извѣстной темы и имѣть ясное представленіе объ изучаемомъ произведеніи извѣстнаго писателя. Принимая во вниманіе сказанное, мы и предлагаемъ составленную нами цѣлую серію пособій. Каждое изъ упомянутыхъ составлено по трудамъ луч-

шихъ русскихъ критиковъ и историковъ литературы—Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Ап. Григорьева, Страхова, Пыпина, Михайловскаго, Скабичевскаго, Овсянникова-Куликовскаго, Венгерова, Котляревскаго, Андреевича, и мн. друг.—и содержитъ біографію и разборъ произведеній того или другого писателя.

Н. И. Дюнькинъ и А. И. Новиковъ.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Привѣтствуя появленіе новыхъ пособій къ изученію русской литературы, слѣдуетъ сказать, что каждое изъ нихъ представляетъ разборъ произведеній извѣстнаго писателя и въ каждомъ практически изложено все необходимое для того, чтобы учащіеся могли совершенно самостоятельно, не встрѣчая затрудненій, приступить къ изученію произведеній избраннаго ими писателя. Разборъ всѣхъ главныхъ произведеній русскихъ классиковъ точенъ со взглядами многихъ критиковъ и при составленіи, какъ видно, было обращено вниманіе на доступность изложенія. Если кому-либо покажется, что въ томъ или другомъ пособіи нѣтъ полнаго единства, что есть много вопросовъ, на которые не дается вполнѣ законченныхъ отвѣтовъ, то скажу, что для того, кто находится въ преддверіи изученія извѣстнаго писателя, необходимо прежде всего познакомиться съ содержаніемъ его произведеній, а затѣмъ съ критическими отзывами и разборомъ ихъ. Отдавая скромную дань составителямъ, надо надѣяться на возбужденіе интереса учащихся къ доступнымъ пособіямъ.

В. А. Рябовъ.

БІОГРАФІЯ.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ происходилъ изъ нѣкогда богатой помѣщьичей семьи Ярославской губерніи. Отецъ его былъ армейскимъ офицеромъ, по образованію не отличавшимся отъ своей среды. Алексѣй Сергѣевичъ почти всю свою службу состоялъ въ адъютантахъ. Какъ извѣстно, съ этой должностью связаны разъѣзды. Ему приходилось бывать по дѣламъ въ Кіевѣ, Одессѣ, Варшавѣ. Въ Херсонской губерніи или въ Варшавѣ (точно не установлено) онъ познакомился съ богатымъ польскимъ паномъ Закревскимъ. У послѣдняго была красавица дочь Александра, дѣвушка въ высшей степени по тому времени образованная, владѣвшая иностранными языками, прекрасно игравшая на роялѣ. Молодые люди влюбились другъ въ друга, но о согласіи Закревскихъ, на бракъ, нечего было и думать: въ ихъ глазахъ бѣдный русскій армейскій офицеръ былъ нулемъ; они мечтали не о такой партіи для своей дочери. Тогда Алексѣй Сергѣевичъ увозитъ Закревскую съ бала, и по дорогѣ въ полкъ вѣнчается съ ней. Закревскіе порываютъ со своей дочерью и не выдаютъ ей капитала. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ въ поэмѣ „Мотъ“ упоминаетъ о найденномъ будто-бы имъ въ материнскихъ бумагахъ письмо Закревской къ своей дочери. Въ немъ между прочимъ было написано:

„Въ послѣдній разъ какъ мать тебя цѣлую—
Я поощрять бѣглянку не должна:
Рѣшай сама, бери судьбу любую:
Вернись въ семью, будь родинѣ вѣрна—
Или отцомъ на вѣки проклятая
И навсегда потерянная мной,
Останься тамъ преступницею края
И москаля презрѣнною рабой".

Жизнь избалованной роскошью, заботами окружающихъ молодой женщины круто измѣнилась. Наступили лишенія, скитанія съ полкомъ изъ мѣстечка въ мѣстечко.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, получивъ чинъ капитана, Алексѣй Сергѣевичъ выходитъ въ оставку и поселяется въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи, селѣ Грешневѣ, Ярославской губерніи, Ярославскаго уѣзда. Когда-то родъ Некрасовыхъ обладалъ помѣстьями изъ Рязанской, Орловской и Симбирской губерніяхъ, имѣя нѣсколько тысячъ крестьянъ. Но прадѣдъ и дѣдъ поэта проиграли почти все состояніе въ карты, и на долю Алексѣя Сергѣевича, его трехъ братьевъ и двухъ сестеръ осталось 400 душъ, такъ что имъ уже нечего было проигрывать. Имѣніе родителей Некрасова не превышало ста душъ. Семья была большая—одинадцать человѣкъ дѣтей. По смерти поэта остались въ живыхъ братья Константинъ и Ѳедоръ и сестра Анна. Сельцо Грешнево стояло на Владимірскомъ шоссе, Сибирскомъ почтовомъ трактѣ. По тракту проходили партіи закованныхъ арестантовъ, въ сопровожденіи конвойныхъ; ѣхали обозы; все это было видно изъ оконъ. Усадьба была расположена въ ровной мѣстности, орошаемой рѣчкой Самаркой. Съ одной стороны ее окружали угодья, съ другой простирались дѣвственные лѣса. Невдалекѣ протекала Волга.

Николай Алексѣевичъ родился въ Подольской губерніи, 22-го Ноября 1821 г., въ бытность его отца

офицеромъ. Онъ очень рано началъ помнить себя. Поселились они въ Грешневѣ, когда Некрасову было 3 года, а между тѣмъ онъ отлично запомнилъ свои первыя впечатлѣнія по пріѣздѣ. Впослѣдствіи онъ разсказывалъ матери—„я помню, какъ меня взяли на руки и внесли въ комнату, въ которой на половину былъ снятъ полъ и виднѣлись поперечины. Въ слѣдующей комнатѣ я увидѣлъ двухъ старушекъ, онѣ вязали чулки и обѣ были въ очкахъ“ (то были бабушка и тетка Алексѣя Сергѣевича).

Семейная жизнь Некрасова дала ему мало отрадныхъ, свѣтлыхъ впечатлѣній; онъ съ полнымъ правомъ могъ бы сказать: „тяжелое дѣтство мнѣ пало на долю“. Въ его стихотвореніяхъ можно найти много строкъ, рисующихъ домашнюю обстановку. Отецъ, постоянно самодурствовавшій, притѣснявшій жену, пьянствовавшій, развратничавшій; мать, тоскующая, оскорбленная грубымъ тираномъ, находящая утѣшеніе лишь въ ласкахъ и любви дѣтей. Если-бы не мать, имѣвшая сильное вліяніе на умственное и духовное развитіе ребенка, изъ него бы безъ труда могъ выработаться, впослѣдствіи достойный сынъ своего отца, помѣщикъ-самодуръ. Часто ребенокъ, послѣ какой нибудь непріятности, или пользуясь отсутствіемъ грозы дома, забивался въ уголокъ съ матерью, и здѣсь между ними происходили бесѣды, навсегда запечатлѣвшіяся въ умѣ Некрасова; онъ говоритъ:

„Потомъ, когда читалъ я Данта и Шекспира,
Казалось, я встрѣчалъ знакомыя черты:
То образы изъ ихъ живого міра
Въ моемъ умѣ напечатлѣла ты („Мать“).

Другими утѣшителями ребенка были няня и крестьянскія дѣтишки, къ которымъ Некрасовъ перелѣзалъ черезъ заборъ, несмотря на строгое запрещеніе

отца. Иногда же, зная, что отецъ уѣхалъ, молодой хозяинъ приглашалъ и ихъ въ гости въ садъ, но при одномъ возгласѣ няни „баринъ идетъ!“ посѣтители разбѣгались въ разныя стороны, какъ мышата, спугнутыя котомъ.

Связь съ пріятелями дѣтства не порывалась и впослѣдствіи—пріѣзжая на каникулы изъ гимназіи, онъ ловилъ съ ними рыбу, бродилъ по лѣсамъ; съ 1844-го года, пріѣзжая уже изъ Петербурга, ѣздилъ съ ними на охоту. Мимо оконъ тянули бичеву бурлаки и пѣли свою однообразную грустную пѣсню, проходили кандальники, велась на деревнѣ расправа. Одно время отецъ Некрасова служилъ исправникомъ и бралъ съ собой въ разъѣзды сына; передъ чистыми, дѣтскими взорами мальчика проходятъ судебныя разбирательства, вскрытія труповъ, кулачное внушеніе, бѣдность крѣпостного крестьянства. Ребенокъ впечатлительный, и къ тому же такъ сильно чувствующій дома гнетъ отца, уже здѣсь проникается сочувствіемъ къ народу.

Съ семи лѣтъ мальчикъ начинаетъ заниматься стихосложеніемъ. У матери поэта сохранился его первый опытъ:

Стихи начинались такъ:

„Любезна маменька, примите
Сей слабый трудъ
И разсмотрите,
Годится ли куда-нибудь“.

Онъ начинаетъ читать каждую печатную страницу, попадающую на глаза и—„что прочитаетъ, тому и подражаетъ“. Къ пятнадцати годамъ прикопилась уже цѣлая тетрадка.

Первоначально дѣти учились съ какимъ-то ярославскимъ семинаристомъ. Въ 1832 г. Некрасовъ вмѣстѣ съ братомъ поступаетъ въ Ярославскую гимназію. Онъ жилъ съ братомъ, подъ надзоромъ крѣпостного

„дядьки". Дядька былъ не дуракъ выпить и, въ силу того, дѣти пользовались полной свободой. Изъ 50 коп., полагавшихся на обѣдъ, мальчики получали лишь 30 коп. и должны были обѣдать, гдѣ велятъ. Имѣя передъ глазами такой добродѣтельный примѣръ, какъ дядька, они начинаютъ знакомство съ трактирами. Ученье шло плохо. Но до пятаго класса Некрасовъ, съ грѣхомъ пополамъ, добрелъ. Въ этомъ году онъ написалъ, въ числѣ прочихъ своихъ стихотвореній сатиру на начальство, которое не погладило по головѣ юнаго поэта и исключило его. Въ то-же время умеръ его любимый братъ Андрей, смерть котораго сильно повліяло на Некрасова. Юноша впервые задумался надъ некрасивыми сторонами своей гимназической жизни.

Отецъ Некрасова рѣшилъ послать сына въ Петербургъ, въ дворянскій полкъ (корпусъ, бывшій на Петербургской сторонѣ). Съ рекомендательнымъ письмомъ отъ ярославскаго прокурора Полозова къ начальнику III-го округа корпуса жандармовъ, генералу Полозову, и тетрадкой своихъ стихотвореній, 15-ти лѣтній юноша отправляется въ столицу.

Еще въ дѣтствѣ мать и сынъ мечтали объ университетѣ, но, слыша намѣреніе отца опредѣлить Николая Алексѣевича въ военную службу, постепенно перестали и думать объ этомъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ Некрасовъ отправился съ письмомъ къ Полозову, былъ имъ представленъ Ростовцеву, и поступленіе его въ дворянскій полкъ было почти обезпечено. Но Некрасовъ случайно встрѣтился съ ярославскимъ товарищемъ, студентомъ Глушицкимъ и подъ вліяніемъ разговоровъ съ нимъ вспомнилъ свои дѣтскіе планы и рѣшилъ во чтобы то ни стало поступить въ Университетъ. Нужно было держать вступительный экзаменъ. Некрасовъ былъ совершенно не подготовленъ въ древнихъ языкахъ и въ математикѣ; Глушицкій знакомитъ его съ Д. И. Успен-

скимъ, профессоромъ духовной семинаріи, и они вдвоемъ принимаются за занятія. Некрасовъ сообщаетъ о своемъ намѣреніи Полозовымъ, они одобряютъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ пишутъ своему родственнику—прокурору, а тотъ сообщаетъ отцу Некрасова. Разсерженный Алексѣй Сергѣевичъ пишетъ сыну, что если онъ не исполнитъ отцовской воли и пойдетъ въ Университетъ, то болѣе не получитъ изъ дому ни копѣйки. Но не таковъ былъ юноша, чтобы испугаться угрозы.

И вотъ Некрасовъ оказывается съ 150 р. въ карманѣ и съ паспортомъ „недоросля изъ дворянъ“. Онъ поселяется съ какимъ-то студентомъ на Малой-Охтѣ. Довольствуются онъ и его товарищъ съ крѣпостнымъ мальчикомъ 15 к. въ день. Некрасовъ часто говаривалъ, даже на смертномъ одрѣ, что именно эти обѣды послужили одной изъ причинъ той болѣзни, отъ которой онъ умиралъ.

Потомъ Некрасовъ перебрался къ Успенскому.

Наступили экзамены. По древнимъ языкамъ онъ былъ приготовленъ отлично, такъ что очень требовательный латинистъ, профессоръ Фрейтагъ, поставилъ ему 5 „съ плюсомъ“. Въ отдѣлѣ же физическихъ наукъ самъ Успенскій прихрамывалъ, и Некрасовъ чувствовалъ, что больше единицы не получитъ. Одна единица не могла бы помѣшать поступленію въ Университетъ, но у него уже была одна „въ запасѣ“ по географіи.

Тогда Некрасовъ отправляется къ ректору Плетневу и откровенно сообщаетъ, что идетъ въ университетъ противъ воли родителей и если останется за бортомъ, положеніе его будетъ безвыходнымъ. Плетневъ, узнавъ, что Некрасовъ хочетъ поступить на философскій фокультетъ, и что, кромѣ географіи, отмѣтки хорошія, обѣщалъ ему свое содѣйствіе въ совѣтѣ.

Некрасовъ, пользуясь этимъ обѣщаніемъ, совсѣмъ не явился на экзаменъ по физикѣ; въ совѣтѣ, вслѣд-

ствіе этого, о немъ не было и рѣчи, къ тому же и Плетневъ забылъ о своемъ обѣщаніи. Но послѣ, при свиданіи, Плетневъ убѣждалъ Некрасова не бросать мысли о поступленіи въ Университетъ, совѣтуя зачислиться вольнослушателемъ. Некрасовъ подалъ прошеніе. Такъ началась его студенческая жизнь, продолжавшаяся два года.

Съ этого момента наступаетъ совершенно новая. самостоятельная жизнь, полная лишеній, голода, холода, мелкихъ и крупныхъ уколовъ гордости, приниженіе личности.

Личность Некрасова, поэта мести, печали и гнѣва, пѣвца слезъ и горя народнаго, до сихъ поръ еще не выяснена въ русской литературѣ. Въ этой глубоко одаренной натурѣ, такъ сильно и горячо стремившейся ко всему доброму и прекрасному, былъ одинъ темный уголокъ души, доставлявшій Некрасову много нравственныхъ мученій. Этому-то уголку, иногда довавшему себя знать, посвящены многія „покаянныя“ пѣсни Некрасова. Въ нихъ онъ съ поразительной искренностью называетъ свою душу „до времени растлѣнной“. Основныя черты характера Некрасова—съ одной стороны глубокая, впечатлительная натура, нѣжная привязанность къ матери, любовь и сочувствіе ко всѣмъ „труждающимся и обремененнымъ“, съ другой—несчастная наслѣдственность съ стороны отца, отъ котораго не могло перейти ничего хорошаго. Благодаря ей, въ Некрасовѣ борются доброе и злое начала, и далеко не всегда побѣждаетъ первое.

Попробуемъ хотя отчасти разобраться въ Некрасовѣ—человѣкѣ, поэтѣ и гражданинѣ.

Разсмотримъ для этого тѣ условія, въ которыхъ очутился юноша въ началѣ своего самостоятельнаго вступленія въ жизнь, тѣ условія, которыя заставили его дать себѣ клятву во что бы то ни стало добиться

матеріальной независимости, стать „хозяиномъ“ жизни.

Некрасовъ снимаетъ комнату у какого-то унтеръ-офицера на Разъѣзжей. Имѣвшіеся 150 р. быстро таютъ, начинается недоѣданіе, а подчасъ форменное голоданіе. Случилось ему отправляться въ ресторанъ на Морской, гдѣ позволялось читать газеты, даже ничего не заказывая себѣ, и вотъ, взявъ въ руки гезету, онъ подъ ея прикрытіемъ пододвигалъ къ себѣ тарелку съ хлѣбомъ и съѣдалъ его. Такое питаніе сильно истощило Некрасова и онъ опасно заболѣлъ. За время болѣзни онъ задолжалъ хозяевамъ около сорока рублей. Послѣдніе безпокоились, что жилецъ умретъ, и ихъ деньги пропадутъ. Наконецъ они рѣшились объявить Некрасову объ этомъ и взяли съ него расписку, что онъ оставляетъ имъ за долгъ всѣ свои „вещишки“. Черезъ нѣсколько дней Некрасовъ началъ чувствовать себя лучше, а черезъ нѣсколько времени даже рискнулъ отправиться въ гости къ знакомому студенту-медику на Выборскую сторону. Домой онъ вернулся поздно; его уже не впустили, заявивъ, что комната занята другимъ жильцомъ, къ нему же претензіи не имѣютъ, такъ какъ вещи оставлены имъ по роспискѣ.

Юноша, только что оправившійся отъ тяжелой болѣзни, остается въ холодную осенюю ночь на улицѣ; въ одномъ легенькомъ пальтишкѣ онъ побрелъ наугадъ и вышелъ на Невскій, гдѣ сѣлъ на скамейку, около ресторана, ослабъ и заснулъ. Разбудилъ его какой-то сердобольный старикъ-нищій и пригласилъ его ночевать. Послѣ долгой ходьбы они пришли на 15-ую линію Васильевскаго острова, въ покривившійся деревянный домишко. Это былъ притонъ нищихъ. Здѣсь онъ написалъ кому-то прошеніе, за что получилъ 15 к.

Нужно замѣтить, что на ряду съ такою крайнею бѣдностью, съ пребываніемъ въ притонѣ нищихъ, съ

жизнью въ подвалѣ, когда за неимѣніемъ стола приходилось писать, растянувшись на полу, Некрасовъ вращается и въ совершенно иномъ обществѣ. Онъ видитъ передъ собою жизнь знати, ея сытую роскошь, порой принимаетъ и самъ участіе въ ея пирахъ. Въ то время студенческая молодежь образовывала кружки, безъ различія сословія и состоянія. Часто мы видимъ примѣры, что въ этихъ кружкахъ видное мѣсто занимаетъ бѣднякъ, не имѣющій за душою и алтына, но обладающій или умомъ, или силою, или ловкостью. Видя довольство богатыхъ студентовъ, Некрасовъ еще ярче чувствовалъ свою собственную нищету, еще сильнѣе ненавидѣлъ ее и все страстнѣе желалъ вырваться изъ ея тисковъ.

При такихъ тяжелыхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, Некрасову нечего было и думать о свободномъ занятіи литературой, о творчествѣ, о развитіи своихъ поэтическихъ способностей. Онъ принужденъ стать чернорабочимъ литературы, онъ пишетъ рецензіи и библіографическія замѣтки въ „литературныя прибавленія“ къ „Инвалиду“, въ „Литературной газетѣ“ Краевскаго, въ „Сынѣ Отечества“ Полевого, въ „Пантеонѣ“, въ „Отечественныхъ запискахъ“. Пишетъ водевили для Александринскаго театра, поставляетъ книго-продавцу Полякову азбуки, сказки. По собственнымъ словамъ Некрасова, имъ было написано за свою жизнь до трехъ сотъ печатныхъ листовъ прозы. Большую часть составляли рецензіи. На ряду съ художественными произведеніями приходилось разбирать и научныя книги. „Собственныхъ-то благопріобрѣтенныхъ познаній не хватало: за то выручала публичная библіотека. Пойдешь туда, поднимешь всю ученость по предмету книги, ну и ничего, сходило съ рукъ“.

Время, въ которое выступилъ со своими первыми попытками въ литературѣ Некрасовъ, было мерзостью

запустѣнія какъ въ общественной жизни вообще, такъ и въ литературѣ въ частности.

Въ одномъ изъ мало извѣстныхъ стихотвореній Некрасовъ характеризуетъ это время такъ:

„Въ то время пусто и мертво
Въ литературѣ нашей было.
Скончался Пушкинъ—безъ него
Любовь къ ней въ публикѣ остыла;
Ничья могучая рука
Ее не направляла къ цѣли,
Лишь два задорныхъ поляка
На первомъ планѣ въ ней шумѣли".

Въ Петербургѣ царилъ тріумвиратъ Сенковскаго, Греча, Булгарина. Въ Москвѣ—дуумвиратъ Погодина, Шевырева. „Телеграфъ" Полевого былъ уже закрытъ, и онъ самъ измѣнилъ своимъ передовымъ взглядамъ, всецѣло закабалился Сенковскому, Гречу и Булгарину, вмѣстѣ съ ними съ пѣной у рта отрицалъ талантъ Гоголя и всякое другое свѣжее дарованіе, появлявшееся на поверхности этого стоячаго болота. Бѣлинскій, этотъ, по ихъ мнѣнію, „недоучившійся мальчишка", „дерзкій крикунъ" еще только начинавшій свою дѣятельность, былъ увлеченъ гегелевской философіей, съ ея знаменитой формулой: „все существующее разумно". Жуковскій и Лермонтовъ держались особнякомъ отъ своихъ собратьевъ по профессіи.

Въ литературѣ появляется несимпатичная спекулятивная полоса. Выпускается масса лубочныхъ изданій—исторіи великихъ людей, сказки, иностранные романы, не заслуживающіе переводовъ; несерьезныя, кое-какъ составленныя изданія въ родѣ „Панорама С.-Петербурга" Башуцкаго, „Энциклопедическій лексиконъ" Плюшара, „Утренняя Заря" Владиславлева и т. п. Разрѣшенія на изданія новыхъ журналовъ

выдаются съ трудомъ, тогда появляется перепродажа за крупныя суммы имѣющихся въ наличности.

Некрасову пришлось вращаться въ средѣ такихъ спекулянтовъ, слышать ихъ барышническіе планы, видѣть, какъ одно литературно-коммерческое предпріятіе возникаетъ и банкротится, а на его мѣстѣ уже возникаетъ новое.

Видя все это и горя страстнымъ желаніемъ выбраться изъ омута нищеты, Некрасовъ заражается этой практической смѣткой. Но особенно помогъ ему устроиться болѣе сносно Григорій Францовичъ Бенецкій, тогда наставникъ—наблюдатель въ Пажескомъ корпусѣ и Дворянскомъ полку.

Онъ содержалъ приготовительный пансіонъ для поступленія въ вышепоименованныя училища и въ другія спеціальныя учебныя заведенія. Бенецкій поручилъ Некрасову въ своемъ пансіонѣ преподаваніе всѣхъ русскихъ предметовъ. Также онъ помогъ ему въ распространеніи книжки его дѣтскихъ стихотвореній, изданныхъ подъ названіемъ „Мечты и звуки“ обязавшись продать билетовъ рублей на 500. Какъ видимъ, въ 1840 г. матеріальное положеніе Некрасова настолько улучшилось, что онъ могъ накопить денегъ на изданіе. Бенецкій уже успѣлъ продать до сотни билетовъ, когда на Некрасова вдругъ напало сомнѣніе, издавать ли. Онъ отправился за совѣтомъ къ Жуковскому. Послѣдній похвалилъ одно изъ стихотвореній, сказалъ, что талантъ есть, не совѣтовалъ не издавать, чтобы впослѣдствіи не жалѣть о существованіи этой книги. Услышавъ же, что не издавать нельзя, такъ какъ деньги, полученныя по билетамъ, уже прожиты, сказалъ, чтобы Некрасовъ не выставлялъ своей фамиліи. Книжка вышла подъ буквами Н. Н., на сѣрой бумагѣ, въ восьмую долю листа, въ 102 страницы. Стихотворенія эти носятъ чисто-дѣтскій характеръ, по

нимъ нельзя было предположить, что авторъ ихъ впослѣдствіи будетъ знаменитымъ поэтомъ. Книжка эта вызвала со стороны Бѣлинскаго въ краткой рецензіи суровый приговоръ. Онъ не дѣлаетъ даже разбора стихотвореній, а лишь высказываетъ сожалѣніе, что люди, не обладающіе ни малѣйшимъ талантомъ, берутся не за свое дѣло. „Посредственность въ стихахъ нестерпима“.

Книга, розданная по магазинамъ на комиссію, не пошла, впослѣдствіи самъ Некрасовъ скупалъ ее и истреблялъ. Эта неудача съ книгой была косвенной причиной выхода Некрасова изъ университета.

Некрасовъ наиболѣе аккуратно ходилъ на лекціи молодого, краснорѣчиваго профессора русской словесности А. В. Никитенко. Послѣднему было извѣстно, что въ числѣ его слушателей находится Некрасовъ, исключенный изъ 5-го класса Ярославской гимназіи за сатиру на начальство. Краснорѣчивому профессору вздумалось пройтись на его счетъ—онъ сказалъ при всей аудиторіи, что „этотъ недоучившійся смѣльчакъ, не пугаясь великихъ тѣней Пушкина и другихъ русскихъ поэтовъ, осмѣливается предлагать вниманію публики свой тощій сборникъ стихотвореній, въ которыхъ нѣтъ и намека на дарованіе, а однѣ пустыя фразы, дубовые стихи, да риѳмоплетство“. Некрасовъ былъ настолько уменъ, чтобы послѣ такого сужденія не бросить сейчасъ же своихъ опытовъ, но самолюбіе его было задѣто—онъ пересталъ посѣщать лекціи профессора-критика, а вскорѣ и совсѣмъ покинулъ университетъ.

Біографическія свѣдѣнія о немъ за 1841 г.—1845 г. очень скудны. Извѣстно только то, что въ это время окончательно сформировался тотъ обликъ Некрасова, который онъ носилъ всю свою послѣдующую жизнь. Въ Въ этотъ періодъ онъ вращается въ различныхъ слояхъ

населенія—и въ высшемъ свѣтѣ, и въ чиновничьемъ, и въ литературномъ, и въ театральномъ, и въ студенческомъ кругахъ. Къ этому же періоду относится и знакомство Некрасова съ кружкомъ Бѣлинскаго, оказавшемъ на него большое вліяніе. Еще будучи студентомъ, то-есть въ 1839—1841 г. въ нелегкой борьбѣ за существованіе, Некрасовъ принимается за издательскую дѣятельность—издаетъ альманахи, сборники, предпріятія идутъ болѣе или менѣе хорошо, успѣхъ опьяняетъ его, является опасность, что въ погонѣ за самостоятельностью и матеріальнымъ обезпеченіемъ-издательство обратится въ средство наживы, но въ это время онъ встрѣчается съ Бѣлинскимъ, у него являются новые интересы, страсть къ деньгамъ утихаетъ, уступая мѣсто инымъ сторонамъ его натуры. Вліяніе Бѣлинскаго было огромно, въ разговорахъ съ нимъ малообразованный Некрасовъ почерпываетъ массу свѣдѣній, кромѣ того, усвоиваетъ основную идею всей дѣятельности Бѣлинскаго—любовь къ народу. Подъ его вліяніемъ написаны первыя стихотворенія въ томъ направленіи, за которое Некрасовъ стяжалъ себѣ названіе пѣвца слезъ и горя народнаго. Некрасовъ сохранилъ навсегда самое теплое чувство къ Бѣлинскому и называлъ его своимъ учителемъ. Ему посвящено нѣсколько отрывковъ. Приводимъ лучшій изъ нихъ.

„Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,
Упорствуя, волнуясь и спѣша
Ты честно шелъ къ своей высокой цѣли,
Кипѣлъ, горѣлъ—и быстро ты угасъ.
Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ,
И мы тебя почтили въ добрый часъ".

Изъ этихъ прочувствованныхъ строкъ видно, какъ свято чтилъ Некрасовъ память своего учителя и друга. Онъ любилъ вспоминать знакомство съ Бѣлинскимъ.

Приводимъ разговоръ Некрасова съ Добролюбовымъ, для характеристики того, какъ ясно понималъ самъ Некрасовъ, сколько вынесъ онъ изъ знакомства съ Бѣлинскимъ. „Я съ каждымъ годомъ все сильнѣе чувствую, какъ мы съ нимъ вдвоемъ, часовъ до двухъ ночи бесѣдовали о литературѣ и о разныхъ другихъ предметахъ. Послѣ того я всегда долго бродилъ по опустѣлымъ улицамъ, въ какомъ-то возбужденномъ настроеніи, столько было для меня новаго въ высказанныхъ имъ мысляхъ... Заняться своимъ образованіемъ у меня не было времени, надо было думать о томъ, чтобы не умереть съ голоду. Я попалъ въ такой литературный кружокъ, въ которомъ скорѣе можно было отупѣть, чѣмъ развиться. Моя встрѣча съ Бѣлинскимъ была для меня спасеніемъ.“

Кружокъ Бѣлинскаго и общій колоритъ наиболѣе образованной части общества 40-хъ годовъ имѣли вліяніе на окончательное развитіе и формулировку міровоззрѣнія Некрасова. Но это идейное развитіе не могло измѣнить, темныхъ сторонъ Некрасова—человѣка, не могло создать у него нравственной дисциплины. Его можно назвать полу-рабомъ, полу-хозяиномъ жизни. Въ тяжелыя времена, когда грозила опасность къ такимъ трудамъ нажитому благосостоянію „у лиры звукъ невѣрный исторгала его рука“. Но не намъ судить Некрасова-человѣка, такъ много сдѣлавшаго для родины, какъ поэтъ и гражданинъ.

Въ теченіи 1843 г.—1846 г. Некрасовъ издалъ 4 сборника. Въ 1843 г.—„Статейки въ стихахъ безъ картинокъ“—2 тома по 30 к. каждый. Стихотворенія лирическо-сатирическія. Между прочимъ „Говорунъ“. Въ 1845 г.—„Физіологія Петербурга“—сборникъ является отчасти подражаніемъ спекулятивному сборнику Башуцкаго—„Панорама Петербурга“. Въ началѣ книги помѣщено предисловіе, въ которомъ публику стара-

ются заманить до сихъ поръ невиданной диковинкой. Башуцкій въ своей „Понарамѣ Петербуга“ даетъ описаніе Петербурга съ внѣшней стороны—задача его была шире, но почему то не была исполнена. Издатель „Физіологіи Петербурга“ и беретъ на себя трудъ восполнить пробѣлы Башуцкаго въ выпускаемомъ сборникѣ. „Содержаніе книги—не описаніе Петербурга въ какомъ бы то ни было отношеніи, но его характеристика, преимущественно со стороны нравовъ и особенностей его народонаселенія“. Помѣщенныя статьи подобраны соотвѣтственно вышеуказанной цѣли. Въ первой части, сейчасъ же за вступленіемъ, статья Бѣлинскаго „Петербургъ и Москва“, за нею Луганскаго „Петербургскій дворникъ“, Д. В. Григоровича „Петербургскіе шарманщики“, Гребенки „Петербургская Сторона“, въ заключеніе—Некрасова „Петербургскіе углы.“ Тема не замысловата, разсказъ написанъ въ духѣ „натуральной школы“—въ описаніяхъ возможная фотографическая точность. Герой, интеллигентъ-пролетарій нанимаетъ уголъ на заднемъ дворѣ, наблюдаетъ пиръ прочихъ обитателей квартиры, празднующихъ переселеніе новаго сотоварища.

Во второй части, между прочими статьями, помѣщена сатира Некрасова—„Чиновникъ“. Издателемъ сборника является книгопродавецъ Ивановъ, Некрасовъ же называется редакторомъ.

Въ 1846 г. издается „Первое апрѣля“, комическій иллюстрированный альманахъ, составленный изъ разсказовъ въ стихахъ и прозѣ, достопримѣчательныхъ писемъ, куплетовъ, пародій, анекдотовъ и пуфовъ“. Сборникъ начинается комическимъ вступленіемъ. Въ немъ говорится объ обычаѣ обманывать перваго апрѣля, разсказывается, какъ это дѣлается въ различныхъ классахъ петербургскаго общества. Въ концѣ вступленія читатель завѣряется въ томъ, что издатели вовсе не

хотятъ обманывать публику по случаю перваго апрѣля. Они даже настолько добродѣтельны, что, желая оправдать самое названіе альманаха, посвящаютъ „первому апрѣля“ рядъ страницъ, посвященныхъ различнымъ невѣроятнымъ анекдотамъ и пуфамъ. Если же читателю нѣкоторыя страницы придутся не по вкусу—пусть вырветъ ихъ изъ книги. Мы заранѣе на все соглашаемся и утѣшаемся тѣмъ только, что „одинъ Богъ безъ грѣха“.

Встрѣчается много статеекъ, имѣющихъ цѣль намека и обличенія—такова статейка о томъ, „какъ одинъ господинъ пріобрѣлъ себѣ за безцѣнокъ домъ въ полтораста тысячъ“ (Погодинъ). „Портретная галлерея“ въ стихахъ, изъ пяти портретовъ различныхъ современниковъ, между прочимъ Булгарина; „Дядюшка и племянникъ“ „Пощечина“ „Водевилистъ“ Здѣсь же шутка Кульчинскаго „Какъ играютъ въ новѣйшее время въ преферансъ образованнѣйшіе люди“ вызванная страстью Бѣлинскаго къ преферансу.

Много некрасовскихъ куплетовъ, въ числѣ ихъ пародія на стихотвореніе Лермонтова „И скучно и грустно, и некому руку подать“... (варіантъ Некрасова—„и некого въ карты надуть“). Изъ вошедшихъ въ позднѣйшія изданія, только одно стихотвореніе „Передъ дождемъ“. Некрасовъ уже является самостоятельнымъ издателемъ.

Въ этомъ же 1846 г. издается „Петербургскій сборникъ“. По внѣшности и по содержанію онъ носитъ совершенно другой характеръ. Нѣтъ рекламы-предисловія. Онъ напоминаетъ толстый номеръ журнала—такой видъ носилъ впослѣдствіи „Современникъ“. Направленіе—чисто-литературное. Въ немъ помѣщены статьи современныхъ литературныхъ корифеевъ: „Помѣщикъ“ Тургенева, „Капризъ и Раздумье“ Искандера (Герцена). Произведенія А. Майкова, Соллогуба, Кра-

неберга. Въ началѣ „Бѣдные люди“ Достоевскаго, въ концѣ „Мысли и замѣтки о русской литературѣ“ Бѣлинскаго. Издатель—Некрасовъ—помѣстилъ „Въ дорогѣ“ „Пьяница“ „Колыбельная пѣснь“ „Отрадно видѣть“.

Успѣхъ названныхъ сборниковъ такъ подѣйствовалъ на Бѣлинскаго, что онъ рѣшилъ издать сборникъ „Левіафанъ“; статьи были даны друзьями Бѣлинскаго; но лѣтомъ 1846 г. Некрасовъ и Панаевъ рѣшили купить у Плетнева находившійся въ его рукахъ пушкинскій „Современникъ“.

Бѣлинскій, увлеченный мыслью о возможности для своего кружка имѣть самостоятельный органъ, отдалъ Некрасову весь матеріалъ, собранный для „Левіафана“, который былъ помѣщенъ въ первыхъ нумерахъ „Современника“. Съ 1847 г. журналъ выходитъ уже подъ новой редакціей. Изъ за „Современника“ произошла непріятность съ Бѣлинскимъ и его кружкомъ. Матеріалъ, данный Бѣлинскимъ для журнала и сразу обращавшій, благодаря прекрасному подбору статей, вниманіе публики, вообще уже солидное положеніе Бѣлинскаго въ литературѣ заставляли его друзей предполагать, что Бѣлинскій будетъ въ журналѣ равноправенъ съ Некрасовымъ и Панаевымъ. Но Бѣлинскому было отведено лишь положеніе постояннаго сотрудника по критическому отдѣлу, съ платой первоначально въ 7,000, а затѣмъ 10,000 р. асс. въ годъ. Друзья, обѣщавшіе Бѣлинскому сотрудничать исключительно въ „его“ журналѣ, какъ они называли, охладѣли къ „Современнику“ и стали помѣщать свои статьи въ „Отечественныхъ Записках“

Дѣло въ томъ, что Бѣлинскій не внесъ пая при покупкѣ журнала, и Некрасовъ, несмотря на всю свою привязанность къ „учителю“, проявилъ свою обыкновенную практичность и не желалъ уступить пальму первенства больному, почти умирающему Бѣлинскому. Бѣлинскій

страдалъ отъ нежеланія друзей помогать журналу, порой сердился на Некрасова, но однажды, поразду-мавъ, писалъ Тургеневу по этому повому: „Мнѣ те-перь кажется, что онъ дѣйствовалъ добросовѣстно, основывался на объективномъ правѣ—а до понятія о другомъ, высшемъ, онъ еще не доросъ, а пріобрѣсти его не могъ по причинѣ того, что выросъ въ грязной положительности и никогда не былъ ни идеалистомъ, ни романтикомъ на нашъ манеръ". Намъ тоже ду-мается, что Некрасовъ дѣйствовалъ вполнѣ порядочно. Нѣтъ никакого основанія считать его эксплуататоромъ Бѣлинскаго—иначе онъ бы не сталъ прилагать всѣхъ усилій для устройства Бѣлинскому заграничнаго ле-ченія.

Бѣлинскій сотрудничалъ въ „Современникѣ" не долго, но и послѣ его смерти Некрасовъ всѣми силами старался поддержать въ журналѣ прежнее направле-ніе. Это ему съ успѣхомъ удавалось—„Современникъ" до самаго прекращенія своего существованія спра-ведливо считался первоклассным органомъ.

Панаевъ и Некрасовъ жили въ помѣщеніи редакціи Ихъ квартиры представляли изъ себя „литературное подворье". Сюда собирались всѣ члены редакціи, со-ставлявшей одинъ кружокъ. Происходили обмѣнъ мнѣ-ніями, веселыя дружескія бесѣды, разъ въ мѣсяцъ обѣды для всѣхъ сотрудниковъ.

Поднять журналъ, даже имѣя значительныя средства, было нелегко. Некрасовъ же начиналъ „Современникъ" въ долгъ, который уплачивался по частямъ продолжи-тельное время. Забота о матеріальной сторонѣ изданія лежала исключительно на Некрасовѣ; не будь у него практической изворотливости, редакція запуталась бы въ долгахъ. Ближайшіе друзья изъ сотрудниковъ зна-ли денежныя обстоятельства. Некрасовъ всегда гово-рилъ имъ, когда въ кассѣ было мало денегъ, но тот-

часъ же, какъ доходъ увеличивался, предлагалъ деньги и увеличивалъ гонораръ.

Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ условій жизни нашей литературы того времени было самоуправство цензуры, вѣрнѣе, даже отдѣльныхъ цензоровъ. Статья, запрещенная однимъ цензоромъ, пропускалась другимъ. Иногда содержаніе статьи оставалось прежнимъ, но заглавіе измѣнялось. Цѣлыя страницы вымарывались или передѣлывались. Часто случались поправки анекдотическаго свойства! Въ поваренной книгѣ говорилось—нужно кушанье поставить на „вольный духъ". „Вольный духъ" вычеркнуто. Наибольшею свирѣпостью отличался цензоръ Краевскій,—ханжа, видѣвшій въ каждомъ литераторѣ атеиста и развратника. Онъ не только калѣчилъ своими поправками попадавшія ему въ руки статьи или стихи, но къ каждому мѣсту, казавшемуся ему недопустимымъ, привосокуплялъ свои замѣчанія и отправлялъ статьи въ такомъ видѣ по начальству. Приводимъ яркій примѣръ того, что заслуживало запрещенія господина Краевскаго. Вотъ стихотвореніе Олена, съ примѣчаніями къ нему.

12-ая СТРОФА.

О! какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши,
Безвѣстный, близъ тебя къ блаженству пріучаться,
И кроткою твоей мелодіей души
Во взорѣ дышащей, безмолствуя, плѣняться.

Примѣчаніе: „Такихъ мыслей никогда разсѣпвать не должно—это значитъ, что авторъ не хочетъ продолжать своей службы государю, для того только, чтобы быть всегда съ своей любовницей. Сверхъ того, къ блаженству можно пріучиться только близъ Евангелія, а не близъ женщины.

13-ая СТРОФА.

О! какъ я желаю всю жизнь тебѣ отдать.
Примѣчаніе; „Что же останется Богу".

Эти примѣчанія слишкомъ краснорѣчивы, чтобы прибавлять къ нимъ какія-либо поясненія.

Какъ уже упоминалось, въ составъ редакціи входили лучшія литературныя силы—Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Дружининъ, позднѣе гр. Л. И. Толстой, Чернышевскій, Добролюбовъ. Изъ поэтовъ—Фетъ, Полонскій, Алексѣй Жемчужниковъ, самъ Некрасовъ. Изъ непостоянныхъ сотрудниковъ давали свои статьи Боткинъ, Анненковъ, „Провинціальныя письма“, научныя статьи присылали Равелинъ, Соловьевъ, Грановскій, Аѳанасьевъ, Ѳ. Киршъ, Владиміръ Милютинъ. Беллетристика помѣщалась не только въ спеціальномъ отдѣлѣ, но и въ „смѣси“. Переводились не только повѣсти и разсказы, но такія вещи, какъ „Поэзія и правда“ Гёте, „Исторія моей жизни“ Жоржъ Зандъ. Но беллетристики часто не хватало это побудило Некрасова написать совмѣстно со Станицкимъ (Панаевой-Головачевой) большіе романы „Три страны свѣта“ (1844 г.) и „Мертвое озеро“ (1851 г.) Цѣлью было дать интересное чтеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ поученіе, изображеніе дѣйствительности. Въ романѣ „Три страны свѣта“ отразилось одно изъ современныхъ движеній передового общества. Самые крайніе мечтатели увлекались теоретическими построеніями соціализма, но не какъ средствомъ къ немедленной реорганизаціи общества, а какъ чѣмъ-то грядущимъ. Но дѣйствительность съ ея крѣпостнымъ правомъ слишкомъ мрачна, и вотъ, въ противовѣсъ нравамъ крѣпостниковъ, создаются новые буржуазные идеалы—бережливости, семейной чистоты и наживы путемъ личнаго труда или честной промышленности. Отраженіемъ этихъ стремленій въ литературѣ являются типы Адуевыхъ, Штольцевъ и другихъ.

Герой романа „Три страны свѣта“—Каютинъ первоначально является интеллигентнымъ пролетаріемъ.

Подробности жизни Каютина въ Петербургѣ, до начала его дѣловыхъ аферъ, сходны съ жизнью Некрасова въ самомъ началѣ его петербургской жизни. Въ своихъ странствованіяхъ по свѣту, въ желаніи пріобрѣсти благосостояніе, Каютинъ встрѣчается съ различными людьми. Знакомится онъ и съ народомъ. Въ дневникѣ Каютина встрѣчаются взгляды на крестьянина, совершенно превосходящіе современные. Взгляды эти показываютъ отношеніе Некрасова къ народу. Труденъ доступъ къ его сердцу. Онъ суровъ, неразговорчивъ, неохотно обнаруживаетъ свое чувство, глубоко запрятываетъ въ душу тяжелую кручину.—Въ немъ есть душа, чувство, и что главное, въ немъ много ироніи, дѣльной и мѣткой".

Нужно замѣтить, что все относящееся къ путешествію Каютина, писалъ Некрасовъ. Ему пришлось прочесть для этого много книгъ съ описаніемъ различныхъ странъ свѣта въ этнографическомъ, климатическомъ, географическомъ отношеніяхъ. Также и черты современной жизни принадлежатъ ему.

Въ „Мертвомъ озерѣ" Некрасову принадлежитъ только одинъ сюжетъ и 2—3 главы, остальное написано госпожей Панаевой.

Изъ беллетристическихъ произведеній Некрасова наиболѣе извѣстны: повѣсть „Опытная женщина", помѣщенная въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1841 г., „Необыкновенный завтракъ", „Отеч. Зап.", 1843 г., „Петербургскіе углы"—„Физіологія Петербурга" 1846 г., „Новоизобрѣтенная привиллегированная краска Дирлинга и Ко", „Современникъ" 1850 г., „Тонкій человѣкъ" „Совр." 1855 г. Какъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ, такъ и въ критическихъ замѣткахъ, Некрасовъ является приверженцемъ взглядовъ Бѣлинскаго, слѣдовательно защитникомъ „натуральной школы". Критическія статьи его поражаютъ отсутствіемъ

полемики. Онъ говорилъ, что это происходитъ отъ нежеланія „ругать кого бы то ни было“.

Журнальную дѣятельность Некрасова, съ основанія „Современника“ обыкновенно раздѣляютъ на три періода. Первый съ 1837 г. по 1845 г., наиболѣе тяжелъ въ его журнальной дѣятельности и въ личной жизни. Съ 1848 г. подъ страхомъ европейскихъ общественныхъ событій, правительство усиливаетъ реакцію, цензура свирѣпствуетъ, въ силу этого дѣла идутъ плохо. Издатели „Современника“ обѣщали подписчикамъ, въ 1848 г., въ видѣ приложенія, „Иллюстрированный Альманахъ“. Въ сборникѣ должны были печататься слѣдующія вещи: „Семейство Тальниковыхъ“ Станицкаго, „Лола Монтесъ“ Дружинина, „Смотрины и рукобитье“ Даля, „Встрѣча на станціи“ И. Панаева, „Старушка“ Майкова, „Заборовъ“ Гребенки и другіе разсказы. Большинство было написано въ духѣ „натуральной школы“, а эта послѣдняя была въ опалѣ у цензуры. Сборникъ, предполагаемый въ объемѣ „Петербургскаго сборника“ сбивался до $7^1/_2$ печатныхъ листовъ, но и въ такомъ видѣ не былъ пропущенъ.

Въ 1853 года положеніе журнала еще ухудшилось.—Началась война, и количество и безъ того немногочисленныхъ подписчиковъ еще убавилось. Въ 1856 г. предполагаемое изданіе стихотвореній Некрасова было запрещено. Къ этимъ печальнымъ обстоятельствамъ присоединилась болѣзнь, принятая лучшими петербургскими докторами за горловую чахотку. Некрасова послали за границу, но и европейскія свѣтила медицинскаго міра не облегчили его страданій; между тѣмъ онъ чувстволъ себя очень плохо, голосъ его почти исчезъ, онъ ослабѣлъ, работалъ съ трудомъ. Видя близкую смерть, поэтъ началъ свою, какъ онъ думалъ, „лебединую“ пѣснь:

„Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно....
А рано смерть идетъ,
И жизни жаль мучительно. Я молодъ,
Теперь поменьше мелочныхъ заботъ,
И рѣже въ дверь мою стучится голодъ:
Теперь бы могъ я сдѣлать, что-нибуть.
Но поздно!...

По возвращеніи изъ-за границы, Некрасовъ обратился къ профессору медицинской академій, доктору Шипулинскому. Послѣдній нашелъ діагнозъ своихъ коллегъ неправильнымъ, совершенно перемѣнилъ методъ леченья и болѣзнь замѣтно поддалась леченію. Вскорѣ отъ мнимой чахотки остался въ видѣ воспоминанія только слабый голосъ.

Въ это время кончилась война, наступила эпоха либеральныхъ реформъ. „Современникъ“ пріобрѣлъ новыхъ подписчиковъ, ряды сотрудниковъ пополнились новыми литературными силами.

Съ 1857—1866 г. продолжается второй періодъ журнальной дѣятельности Некрасова. Направленіе поэзіи его окончательно опредѣляется. Изъ прежняго горячаго протестанта противъ всякой пошлости, насилія, угнетенія, онъ становится уже пѣвцомъ народнаго горя, народныхъ слезъ.

Въ это десятлѣтіе написаны такія первоклассныя вещи, какъ „Размышленія у параднаго подъѣзда“ „Морозъ Красный Носъ“, „Коробейники“, „Желѣзная дорога“, „Крестьянскія дѣти“. Не слѣдуетъ думать, что только теперь Некрасовъ вдругъ воспылалъ любовью къ народу. Нѣтъ, онъ сталъ его защитникомъ вскорѣ послѣ знакомства съ Бѣлинскимъ, но только теперь въ виду либеральнаго настроенія и относительной свободы печати, онъ получилъ возможность свободнѣе, горячѣе, высказывать свои симпатіи.

Онъ въ то же время принимаетъ по прежнему са-

мое дѣятельное участіе въ журналѣ. Ему принадлежитъ идея объ изданіи при „Современникѣ“ „Свистка“. Въ „Свисткѣ“ были помѣщены многіе его сатирическіе куплеты. Между прочимъ „Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ“, ошибочно приписываемая Добролюбову

Матеріальное положеніе Некрасова упрочилось только въ этотъ періодъ его жизни. Этому способствовалъ не только успѣхъ „Современника“, но и изданіе стихотвореній, наконецъ дозволенное въ 1860 г.

Въ 1866 г. надъ журналомъ опять сгущается атмосфера. Его пріостанавливаютъ на восемъ мѣсяцевъ, а затѣмъ совсѣмъ закрываютъ. Поведеніе Некрасова при этихъ обстоятельствахъ дало поводъ его врагамъ по многочисленнымъ пересудамъ. Желая сократить изданіе, Некрасовъ употребилъ, дѣйствительно, некрасивый маневръ—онъ заявлялъ во всеуслышанье, что не причастенъ къ направленію журнала, сотрудники держали его въ рукахъ и дѣлали что хотѣли. Но не смотря на это объясненіе, журналъ былъ закрытъ.

Въ 1866—1868 г. Некрасовъ не удѣлъ, но въ 1868 г. ему удается стать во главѣ „Отечественныхъ записокъ“ — этотъ третій періодъ длившійся до самой смерти, до 1877 г.

Некрасовъ все такъ же дѣятеленъ, духомъ онъ бодръ, изъ подъ его пера выходятъ такія произведенія, какъ „Русскія женщины“, „Кому на Руси жить хорошо“, „Мать“ и другія. Но физическія силы таяли съ каждымъ годомъ. Въ послѣдніе пять лѣтъ онъ уже часто прихварывалъ. Послѣднее время жизнь его текла довольно однообразно. Зиму онъ проводилъ въ своей городской квартирѣ, на Литейномъ, въ домѣ Краевскаго. Онъ прожилъ въ той квартирѣ лѣтъ 20. Лѣтомъ Некрасовъ уѣзжалъ къ брату въ имѣніе, въ

Ярославскую губернію, или въ Чудово, на свою охотничью дачу. Зимою онъ писалъ мало, но среди сельской обстановки, на лонѣ природы, на него снисхо. дило вдохновеніе и рѣдкую осень онъ не привозилъ съ собой какой-нибудь новинки. Некрасовъ былъ страстный охотникъ. Страсть эта еще развилась въ дѣтствѣ: 10-ти лѣтъ онъ убилъ первую утку, на Пчельскомъ озерѣ. Стоялъ октябрь, у берега уже затянуло льдомъ, собака не шла въ воду, тогда мальчикъ поплылъ самъ. Охота осталась ему мила по прежнему, несмотря на перенесенную горячку. Онъ хорошо стрѣлялъ съ лошади, хорошо ѣздилъ и не боялся садиться на непріученую лошадь. Въ свой первый урокъ верховой ѣзды, онъ упалъ восемнадцать разъ, дѣло было зимой и онъ къ счастью не пострадалъ. Для взрослаго Некрасова — охота сдѣлалась не только забавой, а средствомъ для сближенія съ народомъ. Иногда собравшись на о охоту, онъ не возвращался домой нѣсколько дней, случалось больше недѣли. Въ разныхъ мѣстахъ у него были знакомые крестьяне — охотники. Некрасовъ ѣздилъ къ каждому изъ нихъ и охотился въ его мѣстности. Часто ихъ охотничій поѣздъ возрасталъ до пяти троекъ—Некрасовъ забиралъ съ собой своихъ знакомцевъ.

Тутъ-то изъ разговора мужиковъ-охотниковъ, онъ почерпывалъ свои впечатлѣнія. Услышавъ, что въ какой нибудь мѣстности есть чѣмъ нибудь выдѣляющійся человѣкъ, Некрасовъ не жалѣлъ сдѣлать лишній десятокъ—другой верстъ, чтобы повидать его. Такъ „Орина, мать солдатская“ не вымышленное лицо, поэтъ слышалъ этотъ печальный разсказъ отъ нее самой. Объ одномъ изъ стихотвореній, оставшемся ненаписаннымъ, Некрасовъ очень сожалѣлъ. Какъ то Некрасовъ переходилъ кладбище съ охотникомъ. Гаврила разсказывалъ ему о покойникахъ, могилы которыхъ чѣмъ-ни-

будь привлекли вниманіе Некрасова. У него возникла мысль написать эпитафіи. Сестра поэта запомнила лишь одну:

„Зимой игралъ въ картишки
Въ уѣздномъ городишкѣ,
А лѣтомъ жилъ на волѣ,
Травилъ зайчишекъ груды,
И умеръ пьяный въ полѣ
Отъ водки и простуды".

Большая часть типовъ Некрасова принадлежитъ средней полосѣ Россіи. Въ кругъ его охотничьихъ поѣздокъ входили губерніи: Новгородская, Ярославская, Костромская, Владимірская.

Первые признаки болѣзни, сведшей въ послѣдствіи Некрасова въ могилу, появились еще въ началѣ 1845 г., но они не обратили на себя вниманія больного и были приняты за припадки геморроя. Но весною 1846 г. страданья стали настолько мучительны, что пришлось приняться за серьезное леченіе. Лѣто Некрасовъ провелъ въ Гатчинѣ, а осенью по предписанію врачей отправился въ Крымъ. Въ Петербургъ онъ вернулся зимой и уже почти не вставалъ съ постели, изрѣдка только прохаживаясь по комнатѣ. Сильныя нервныя боли все возрастали и весной 1847 г. достигли такой степени, что далеко не слабый характеромъ Некрасовъ не могъ воздерживаться отъ стоновъ и криковъ. Въ рѣдкіе промежутки между припадками онъ возвращался къ умственной жизни, читалъ журналы, газеты, корректуры, писалъ свои послѣднія произведенія.

12-го апрѣля хирургомъ Бильратомъ была произведена операція, нѣсколько облегчившая страданія и отстранившая смерть на восемъ съ половиной мѣсяцевъ. Лѣтомъ необходимъ былъ свѣжій воздухъ, но, въ виду ужасныхъ мукъ при малѣйшемъ прико-

сновеніи, а тѣмъ болѣе при движеніи, больного съ трудомъ удалось перевезти на Черную рѣчку, на дачу графа Строгонова. Вся читающая Россія выражала участіе къ болѣзни поэта. Сочувственныя письма и телеграммы трогали больного и вселяли въ него бодрость. Съ лихорадочной поспѣшностью принялся поэтъ за составленіе своей біографіи. Частью онъ диктовалъ брату Константину и сестрѣ Аннѣ, частью же устно передавалъ различные моменты своей жизни. Въ то время онъ редактировалъ и издалъ свои „послѣднія пѣсни“, закончилъ поэму „Мать“, написалъ стихотвореніе „Баюшки-баю“. Но это были послѣднія героическія усилія сильной воли. Затѣмъ болѣзнь пошла быстрыми шагами и окончательно подорвала уже сильно истощенный организмъ. Около 30-го ноября, по словамъ доктора Бѣлоголоваго, пользовавшаго Некрасова, появились изнурительные лихорадочные ознобы съ потами, но больной еще не измѣнялъ порядка своего дня.

14 Декабря Некрасовъ всталъ съ постели и прошелъ въ столовую, чтобы пить чай. Но едва онъ сдѣлалъ глотокъ, начался ознобъ. Его уложили. Ознобъ продолжался четверть часа; началась рвота, онъ сталъ несвязно говорить, произошелъ также параличъ правой руки и ноги. Къ утру удалось остановить рвоту, при помощи замороженнаго шампанскаго. Ночь онъ провелъ безпокойно, не говорилъ ни слова, утромъ сталъ просить доктора поводить его по комнатѣ. Онъ сильно волочилъ ногу, но не отдавалъ себѣ отчета въ этомъ печальномъ измѣненіи и только повторялъ: „ну, что это?“. Послѣ этого онъ уже не вставалъ съ постели, хотя рѣчь стала внятнѣе, нога получила движеніе; рука же такъ и не поправилась. Аппетитъ пропалъ, больной сильно мучился отъ жажды и отъ разныхъ болей. 26 Декабря рѣчь опять стала неясной, глотанье затруднилось. Въ 5 часовъ дня Николай

Алексѣевичъ подозвалъ всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ и произнесъ слово, принятое за „простите“.

Черезъ три часа началась агонія, продолжавшаяся до 8 ч. 50 м. утра. 27-го Декабря Некрасовъ скончался.

Разборъ произведеній.

„Въ Некрасовѣ поэтъ и гражданинъ до того связаны, до того оба необъяснимы одинъ безъ другого и до того, взятые вмѣстѣ, объясняютъ другъ друга, что, заговоривъ о немъ какъ о поэтѣ, вы даже невольно переходите къ гражданину“, писалъ Достоевскій о Некрасовѣ.

Главнымъ мотивомъ большинства стихотвореній Некрасова служитъ его любовь къ народу. Онъ такъ опредѣляетъ свое назначеніе:

„Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ!
И бросить хоть единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ“.

Или: „Поэтомъ можешь ты не быть, но гражданиномъ быть обязанъ“. Некрасовъ вступилъ на литературное поприще въ серединѣ сороковыхъ годовъ. Сочувствіе къ народу уже проникало въ общество.

Особенно сильно оно замѣчалось въ кружкѣ Бѣлинскаго, въ которомъ тогда вращался Некрасовъ. Въ литературу тоже проникаетъ „мужикъ“. Тургеневъ выпускаетъ по частямъ „Записки охотника“; Григоровичъ издаетъ своего такъ много нашумѣвшаго „Антона Горемыку“. Сознаніе всего позора крѣпостного права съ его придатками становится властнымъ. Лучшіе люди эпохи сильно, насколько позволяютъ обстоятельства, возстаютъ на защиту попранныхъ правъ человѣка.

Вполнѣ понятно, что Некрасовъ, съ дѣтства видѣвшій картины крѣпостной жизни, не преминулъ встать

въ оппозицію крѣпостникамъ и посвятить свой поэтическій талантъ на борьбу съ ними, на обличеніе ихъ.

Лучшіе изъ стихотвореній сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ посвящены вопросамъ крестьянской жизни: „Въ дорогѣ“, „Родина“, „На родинѣ“, „Самодовольныхъ болтуновъ“, „Забытая деревня“, „Псовая охота“, „Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаринскаго“, „Размышленіе у параднаго подъѣзда“ и многіе отрывки изъ другихъ стихотвореній.

Въ этихъ стихотвореніяхъ намъ рисуется тяжелая жизнь крѣпостного крестьянина. Онъ встаетъ передъ нами обиженный, безправный, голодный, съ тупою покорностью, выработанной вѣковымъ рабствомъ. Видимъ, какъ его насильно женятъ; видимъ, какъ по капризу помѣщики берутъ крестьянскую дѣвушку въ господскій домъ, воспитываютъ ее вмѣстѣ съ дочерьми, а затѣмъ безо всякой видимой причины переводятъ на скотный дворъ, выдаютъ замужъ за темнаго крестьянина. Какое дѣло „барину“, до того, что творится въ душѣ дѣвушки, видѣвшей лучшую жизнь, уже успѣвшей узнать болѣе или менѣе культурную жизнь?

„Въ барскомъ домѣ была учена
Вмѣстѣ съ барышней разнымъ наукамъ—
На ворганѣ играть и читать...
Всѣмъ дворянскимъ манерамъ и штукамъ...
Да, знать, счастья ей Богъ не судилъ:
Не пужна-стать въ дворянствѣ холопка!..“

Старый баринъ умеръ, пріѣхалъ новый, и судьба холопки круто измѣнилась:

„Воротилъ онъ ее на село—
Знай-де мѣсто свое ты, мужичка!

Выдали ее замужъ за крестьянина.

„Ни косить, ни ходить за коровой!
Грѣхъ сказать, чтобъ лѣнива была,

Да вишь, дѣло въ рукахъ не спорилось!
Какъ дрова, или воду несла,
Какъ на барщину шла—становилось
Инда жалко подъчасъ...
Погубили ее господа!..
На какой то патретъ все глядитъ,
Да читаетъ какую-то книжку.
Слышь, какъ щепка худа и блѣдна,
Ходитъ то-ись совсѣмъ черезъ силу,
Чай, свалимъ черезъ мѣсяцъ въ могилу"...

Въ автобіографическомъ стихотвореніи „На родинѣ" встрѣчаются черты характеризующія обстановку дѣтства въ имѣніи, среди крѣпостныхъ.

Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ піэсахъ, желая выпуклѣе оттѣнить бѣдность, безправность народа, Некрасовъ рисуетъ самодурство, богатство и понятія помѣщиковъ о ихъ власти, являвшейся въ ихъ глазахъ закономъ для окружающихъ.

„И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства,
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ!.

Послѣдняя строка можетъ показаться преувеличеніемъ, но кто знаетъ крѣпостной быть, тотъ согласится съ мнѣніемъ поэта. Взгляните на жизнь любимой барской собачки! У нея спеціальный слуга, ее моютъ, чешутъ, выводятъ гулять въ роскошной душегрѣйкѣ, кормятъ мясомъ, поютъ молокомъ, ласкаютъ и врядъ ли рѣшатся безъ крайней нужды продать ее. А „рабъ" ихъ рѣдко поѣстъ такъ, какъ эта собачка любимица, ласка ему—арапникъ. Онъ не можетъ быть увѣренъ, что завтра его не оторвутъ отъ семьи и не продадутъ куда-нибудь за тридевять земель, если дадутъ выгодную сумму.

Какъ же ему не завидовать „послѣднему барскому псу“.

Гнетъ помѣщика чувствовался его „рабами“ и за предѣлами господскаго дома, въ ихъ собственныхъ избахъ...

„Здѣсь что-то всѣхъ давило,
Здѣсь въ маломъ и большомъ тоскливо сердце ныло...
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ“...

Но какъ ни плохо жилось крестьянамъ „за бариномъ“ у нихъ въ силу привычки—сложилось мнѣніе—что все же баринъ—ихъ защита, не даетъ ихъ въ обиду.

Передъ нами „забытая деревня“. Какая бы нужда ни случалась, крестьянинъ утѣшается тѣмъ, что баринъ выручитъ, хотя уже не видалъ давнымъ давно барина въ своей деревнѣ.—

„Баринъ самъ увидитъ, что плоха избушка,
И велитъ дать лѣсу“ думаетъ старушка.
Думаютъ крестьяне: скажетъ баринъ слово—
И землицу нашу отдадутъ намъ снова“.
Малые, большіе—дѣло чуть за споромъ—
„Вотъ пріѣдетъ баринъ“ повторяютъ хоромъ.

Но...

„Прежніе парнишки ходятъ бородаты,
Баринъ все не ѣдетъ, барина все нѣту“.

А тамъ смотрятъ привезли лишь трупъ барина. Новый господинъ похоронилъ стараго—„сѣлъ въ свою карету и уѣхалъ въ Питеръ“.

Любимымъ развлеченіемъ „баръ“ была охота. Они охотились по цѣлымъ днямъ, рыская по полямъ и лѣсамъ, въ сопровожденіи голодныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, одѣтыхъ въ охотничьи костюмы:

„Любо глядѣть—молодецъ къ молодцу!
Хоть и худеньки у многихъ подошвы—

Въ сюртукахъ за то желтыя прошвы,
Хоть съ толокна животы подвело,
Да въ позументахъ подъ каждымъ сѣдло",

Случается, разгоряченная запахомъ крови собачка бросается въ середину стада и разстерзываетъ барашка. Но виноватъ въ бѣдѣ—пастухъ—зачѣмъ попался не во время на встрѣчу:

„Рёвма-реветъ злополучный пастухъ,
За лѣсомъ кто-то ругается вслухъ.
Баринъ кричитъ: „замолчи, животина"
Не унимается бойкій дѣтина
Баринъ озлился и скачетъ на крикъ;
Струсилъ—и валится въ ноги мужикъ.
Баринъ отъѣхалъ, мужикъ встрепенулся,
Снова ругается; баринъ вернулся,
Баринъ арапникомъ злобно махнулъ,
Гаркнулъ буянъ: „караулъ, караулъ"...

Кому не знакома фигура „отца"—управляющаго помѣщичьихъ вотчинъ добраго стараго времени? Онъ ли не заботится о благѣ ввѣренныхъ его попеченію крестьянъ? Такъ же, какъ и къ барину, крестьяне питаютъ къ нему злобу, но глубоко таятъ ее и кажутся съ виду покорными рабами, изъ которыхъ можно вить веревки, но .. и ихъ терпѣнію бываетъ конецъ. Въ „Запискахъ графа Гаринскаго" есть интересныя строки, указывающія на эти отношенія барина къ крестьянамъ, на умѣнье управляющаго заставить крестьянъ высказывать наружное довольство своимъ положеніемъ.

„Но должно-бъ вразумлять корыстныхъ мужиковъ,
Что изнурительно излишество въ работѣ
Не такова ли цѣль, въ нѣмецкихъ сюртукахъ
Особенныхъ фигуръ, бродящихъ между ними?
Нагайки у иныхъ замѣтилъ я въ рукахъ...
Какъ быть: не вразумишь ихъ средствами другими—
Натуры грубыя.

Приводимъ отрывокъ изъ разговора графа Гаринскаго съ ямщикомъ.

Чей, братцы, виденъ домъ?
„Помѣщика“... „Что, добръ?“—„Ништо, хорошій баринъ,
Да только... съ тяжелымъ кулакомъ,
Какъ хватитъ—годъ хворай...
А то и хуже есть... Вотъ памятное мѣсто:
Тутъ словно мужички разправились съ однимъ.“
„Ну, словомъ все одно: тотъ съ дворней выѣзжалъ
Разбойничать, тотъ затравилъ мальчишку“.

Однимъ изъ лучшихъ по силѣ и глубинѣ чувства считается стихотвореніе „Размышленіе у параднаго подъѣзда“. Передъ нами ярко встаетъ вся неприглядность безправія крестьянина—„мужика“, его непризнаніе какъ личности съ одной стороны, съ другой рѣзкая разница въ отношеніи сановнаго лица къ людямъ своего круга и къ „людямъ“ въ ковычкахъ, въ армякѣ. Его двери широко открыты для представителей „власти“ и „свѣта“ и—глухо закрыты для несчастныхъ „ходоковъ“, шедшихъ за сотни верстъ въ надеждѣ найти судъ и управу. Разъ къ этому парадному подъѣзду подошли одѣтые въ рваные армячишки и самодѣльные лапти, усталые, запыленные крестьяне. „Допусти“, говорятъ съ выраженьемъ надежды и муки“ швейцару. Но—„самъ не любитъ оборванной черни“. Не помогли и „развязанные кошли“ пришлось ограничиться тѣмъ, что хоть увидали подъѣздъ, и возвращаться ни съ чѣмъ домой. Это столь, къ сожалѣнію, обычное у насъ явленіе вызываетъ у поэта прочувствованныя строки, ставшія родными русскому обществу:

„Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?“

Стонетъ онъ повсемѣстно, нужда и тоска гнетутъ его повсюду,—и въ убогомъ домишкѣ, и въ полѣ за работой, и въ тюрьмѣ, и „у подъѣздовъ судовъ и палатъ“ (дальше-то его не пускаютъ). Многіе упрекаютъ Некрасова за то, что послѣ 19-го февраля онъ не пересталъ воспѣвать „уже минувшія страданія“, но Некрасовъ, оцѣнивъ всю важность реформы, находилъ, что „на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ, люди придумали много иныхъ“. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ тотчасъ же послѣ освобожденія наступили значительныя измѣненія въ жизни свободного по бумагѣ „человѣка“? Если въ наше время послѣ столькихъ лѣтъ, послѣ признанія по манифесту крестьянина человѣкомъ, не научились видѣть въ немъ равнаго себѣ, то что же было тогда? Правда, лучшая, образованнѣйшая часть общества видитъ въ немъ младшаго брата, требующаго себѣ вниманія и заботъ; но недавніе „родные отцы“, съ такой истинно отеческою любовью пекшіеся о благѣ своихъ крѣпостныхъ „дѣтей“, не могли въ силу одного высочайшаго повелѣнія рѣзко измѣнить выработанное поколѣніями міровозрѣніе.

Тонъ стихотвореній, посвященныхъ крестьянству, написанныхъ послѣ 19 февраля, попрежнему грустный или глубоко-скорбный.

Передъ нами въ его стихотвореніяхъ по старому рисуется вопіющая бѣдность, тяжелый трудъ съ утра до ночи, а въ результатѣ—хлѣбъ да квасъ, а подчасъ вмѣсто хлѣба мякина. Чѣмъ только мужикъ ни занимается, чтобы прокормить хоть впроголодь себя и свою семью, и заплатить многочисленные подати и налоги? Отстроитъ и желѣзную дорогу, отправляясь на нелегкій заработокъ съ другого конца матушки-Руси, отрываясь отъ жены и дѣтей; живетъ онъ подолгу въ сырыхъ землянкахъ, голодая до цынги, промокая и отъ дождя и отъ стоянья по колѣни въ водѣ, съ за-

ступомъ въ рукахъ. Только бы платили сносно, дали бы возможность справить мірскія повинности. Но разсчеты ведутся строго, за прогульный день вычетъ, чѣмъ бы онъ ни былъ вызванъ,—въ результатѣ у многихъ недоимки. Извозъ не легче, въ особенности въ то время, когда, за неимѣніемъ желѣзныхъ дорогъ, клади перевозили изъ одного города въ другой на лошадяхъ. Рядомъ съ понурой лошаденкой шагаетъ мужичекъ, плохо одѣтый, въ старомъ тулупѣ, лишь иногда въ сапогахъ, а больше въ самодѣльныхъ лаптишкахъ, до онучахъ, доступный вліянію стихій. Лѣтомъ хоть и томитъ его жаръ, жжетъ его солнце, но полгоря; осенью же насквозь пронизываетъ сырость, мочитъ до нитки дождь, въ лаптишки набирается вода. Хуже всего зимой: дороги заноситъ, наметаетъ сугробы, крутитъ вьюга, морозъ сковываетъ члены, лошадь и мужикъ тонутъ въ снѣгу. Одежда становится похожей на кору. Хорошо бы завернуть на постоялый дворъ, отогрѣться, лихорадка перестала бы трясти. Но время не терпитъ, нужно поспѣть къ сроку, и мужикъ ѣдетъ дальше, привозитъ къ нужному времени кладь, а вернувшись домой, сваливается и уже больше не встаетъ.

Интересна поэма „Кому на Руси жить хорошо“.

Собрались семь крестьянъ и заспорили „кому на Руси жить хорошо!“ Отвѣты получились разнорѣчивые: Романъ нашелъ, что помѣщику, Демьянъ—чиновнику, Лука—попу, братья Губины—„купчинѣ толстопузому“, Пахомъ—министру, Провъ—царю. Долго они спорили, даже подрались въ азартѣ, но ни къ какому рѣшенію не пришли и порѣшили отправиться искать по бѣлу-свѣту отвѣта на вопросъ „кому на Руси жить хорошо?“

Вотъ повстрѣчались они дорогою съ священникомъ,

остановили его, разсказали о предпринятомъ ими дѣлѣ и Лука сказалъ:

„Сладка ли жизнь поповская?
Ты какъ—вольготно, счастливо.
Живешь, честной отецъ?
„Въ чемъ счастіе, по вашему?
Покой? богатство? честь?

Какой же покой попу? Тяжелое ученье, въ перемежку съ колотушками, въ бурсѣ, затѣмъ нелегкій путь священника. Попа во всякое время, не разбирая зима ли то и всѣ дороги занесены, лѣто ли, страдная пора, ночь ли, день ли,—онъ долженъ идти напутствовать умирающаго, быть свидѣтелемъ смерти, выслушивать подчасъ очень тяжелыя исповѣди.

„Какой почетъ попу?
Задача щекотливая, не прогнѣвить бы Васъ?

Попъ задаетъ вопросъ: про кого слагаются разныя непристойныя пѣсни? Отъ кого отплевываются, считая несчастьемъ встрѣчу на дорогѣ? Такъ относятся крестьяне, что же говорить о помѣщикахъ? У первыхъ такое отношеніе вызывается темнотой, вторые же презираютъ его какъ—„черную кость“.

„Посмотримъ братія,
Откудова богачество
Поповское идетъ?“

Въ прежнее время вся Русь была усѣяна помѣстьями дворянъ. Хоть круто приходилось иногда бѣдному попу отъ ихъ нрава, но зато и платили они щедро. Крестины, свадьба, похороны,—все шли къ тому же попу и несли ему щедрую плату. Случалось, помѣщикъ умиралъ въ городѣ, хоронить его все-таки—везли въ имѣніе, къ удовольствію попа. Теперь многія имѣнія перешли въ руки барышниковъ, а помѣщики

разбрелись кто куда, и уже родня не привозитъ ихъ для погребенія въ родовыя помѣстья. Богомольныя старушки, вышивавшія воздухи, дарившія подрясники, переводятся, а остающіяся поселяются вблизи монастырей. Приходится жить лептою съ однихъ крестьянъ. А что съ нихъ, бѣдняковъ, возьмешь? По праздникамъ — гривенники, пироги, да на Святой яйца. Другой разъ выдаются такіе случаи, что радъ бы отказаться отъ пятака, да чѣмъ жить? И вотъ, скрѣпя сердце, причастивъ умирающаго, беретъ отъ несчастной вдовы мѣдный пятакъ и уходитъ съ печалью на сердцѣ.

Крестьяне пошли дальше и рѣшили завернуть по дорогѣ въ село Кузьминское, посмотрѣть на ярмарку, да поискать тамъ счастливаго, — въ большой толпѣ авось и найдется. Ярмарка хоть и не велика, но есть куда дѣвать денежки, нажитыя тяжелымъ трудомъ: тутъ и „харчевни“, и „ресторації“, и добрый десятокъ винныхъ лавочекъ, три постоялыхъ дворика, да еще палатки съ водкою, наставленныя одиннадцатью кабатчиками. Передъ этими-то палатками и вышеназванными „магазинами“ толпятся мужики. Есть и другія лавки, но ихъ немного; тутъ и ситецъ, и сапоги, и картинки „статскихъ генераловъ“ и „военныхъ“, и лубочныя книжки. Все это раскупается на расхватъ. Вотъ кончилась ярмарка и потянулись вереницею мужики по домамъ. Мало кто изъ нихъ трезвъ, вся широкая дорога покрыта спотыкающимися, падающими, замертво лежащими людьми.

Наши крестьяне, ищущіе счастливаго, наблюдаютъ. Дѣйствительно, взору и слуху открывается много интереснаго, печальнаго и смѣшного вмѣстѣ съ тѣмъ. Въ одномъ мѣстѣ борятся, да съ такимъ ожесточеніемъ, что кости трещатъ; въ другомъ бабы вцѣпились другъ другу въ волосы. Вотъ парень выкопалъ глу-

бокую яму, зарываетъ въ нее новую поддевку и воображаетъ, что „хоронитъ родную матушку“. У дорожнаго столбика стоитъ Веретенниковъ, человѣкъ неизвѣстнаго званія, но, по мнѣнію крестьянъ, „баринъ“. Онъ бесѣдуетъ съ мужичками по душѣ, и тѣ съ удовольствіемъ поютъ ему пѣсни, говорятъ пословицы, а тотъ записываетъ въ книжку. Окончивъ, Веретенниковъ поблагодарилъ и сказалъ: „умны крестьяне русскіе, да пьютъ до одурѣнія“. Крестьяне соглашались и поддакивали, но одинъ не вытерпѣлъ, выхватилъ у Веретенникова карандашъ и закричалъ:

„Чему ты позавидовалъ?
Что веселится бѣдная
Крестьянская душа?“

Много пьетъ крестьянинъ, а еще больше работаетъ, много пьяныхъ, а еще больше трезвыхъ. Другіе не пьютъ, а такъ же маются, какъ и пьющіе. Въ страду ли, весной ли, когда воздѣлываютъ поля, видимы въ деревнѣ пьяные? Хмѣль народный всякій старается учесть, а вотъ горе народное, глубины его бездонной, никто не хочетъ вымѣрить. Глазъ „господскій“ рѣжетъ только пьянство мужика, но лучше было бы взглянуть на мужика, когда онъ дѣлаетъ свою трудную крестьянскую работу. Водка—только и есть у мужика средство разогнать тоску, получить возможность повеселиться хотя спьяна.

Крестьянинъ, говорившій это, былъ Якимъ Нагой. Когда то онъ жилъ въ Питерѣ, но вздумалъ судиться съ купцомъ, попалъ въ тюрьму. На родину вернулся безъ гроша въ карманѣ. Съ тѣхъ поръ онъ живетъ въ деревнѣ, уже лѣтъ тридцать, и занимается крестьянской работой. Разъ какъ-то накупилъ онъ сыну картинъ, развѣсилъ ихъ на стѣнѣ и въ свободную минуту любовался ими. Случился пожаръ; Якимъ вмѣсто того

чтобы спасать добытые трудомъ тридцать цѣлковыхъ, сталъ снимать картинки; изба рухнула, цѣлковые слились въ комокъ. За него даютъ одиннадцать рублей, но чудакъ не жалѣетъ объ убыткѣ, благо картинки спасены.

Крестьянамъ захотѣлось поскорѣй попасть домой, и вотъ они рѣшили кликнуть кличъ — кто счастливо живетъ, пускай идетъ и скажетъ имъ объ этомъ, его угостятъ водкой. Охотниковъ выпить даромъ потянулась цѣлая вереница. Пришелъ бывшій дьячекъ, увѣрявшій, что онъ не гонится за богатствомъ, а счастливъ, какъ выпьетъ лишнюю косушку. Пришла рябая, одноглазая старуха — родилась у нея на одной грядѣ рѣпа, до тысячи — и счастлива она. Пришелъ старикъ-солдатъ съ медалями—въ двадцати сраженіяхъ былъ, а не убитъ, въ мирное время былъ всегда ни сытъ, ни голоденъ, а живъ, за дѣло и безъ дѣла битъ палками—и живъ. Подошелъ съ тяжелымъ молотомъ каменотесъ—такая сила у него, что если простучитъ съ утра до полночи, такъ гору разнесетъ. Въ день онъ наколачиваетъ щебенки на 5 р. Сила—его счастье.

«БИБЛІОТЕКА»

„Смотри, не хвастай силою, указалъ худой, какъ щепка, мужикъ. Онъ тоже былъ [illegible] каменщикомъ, тоже хвасталъ силою, подрядчикъ замѣтилъ это и сталъ его подхваливать да подзадоривать. Какъ-то наложилъ онъ за спину добрую кучу кирпича, подрядчикъ и говоритъ, что стыдно молодцу нести такую малость. Каменщикъ разсердился: коли мало такъ пусть наложитъ сколько хочетъ. Наложилъ подлецъ-подрядчикъ добрыхъ 14 пудовъ. Чувствуетъ каменщикъ, что непосильна тяжесть, да гордость не даетъ признаться. Взвалилъ; внести-то удалось, да спина какъ будто треснула, съ тѣхъ поръ пропала сила богатырская, дрожатъ ноги, невмоготу работать.

Подошелъ разбитый на ноги дворовый—онъ былъ любимымъ рабомъ у князя Шереметьева, „жена—раба любимая, а дочка вмѣстѣ съ барышней училась языкамъ. Одна молитва у него—чтобы навсегда сохранилась у него подагра—дворянская болѣзнь, для полученія которой надо пить лѣтъ тридцать дорогія вина. Эта болѣзнь—его счастье.

Пришелъ мужикъ—охотникъ на медвѣдей—съ своротченной скулой. Трехъ его товарищей задрали медвѣди, а онъ живъ.

Увидали странники, что напрасно тратили водку, что не найти имъ счастья среди мужиковъ. Собрались идти дальше. Кто-то посовѣтовалъ имъ сдѣлать послѣднюю попытку—найти мужика Ермилу Гирина; если онъ не окажется счастливымъ, то и искать больше нечего. Кто же такой Ермилъ? Держалъ онъ на Унжѣ сиротскую мельницу. По суду рѣшили ее продать. Ермилъ пришелъ на торги. Скоро стали торговаться только купецъ Алтынниковъ да Ермилъ, остальные уже потеряли надежду купить. Купецъ не отстаетъ, набавляетъ по копѣйкѣ, Ермилъ—по рублю. Наконецъ, купецъ тоже отступился. Стали требовать третью часть сейчасъ же — подавай тысячу, а съ Ермиломъ ни гроша.

Алтынниковъ повеселѣлъ—его молъ мельница. Но Ермилъ попросилъ отсрочки на часъ, отправился на площадь (былъ базарный день) влѣзъ на возъ, покрестился на всѣ четыре стороны и обратился къ крестьянамъ съ просьбою выручить его, разсказавъ, какъ было дѣло, обѣщая черезъ недѣлю привезти деньги и честно всѣмъ отдать. Со всѣхъ сторонъ въ его шапку посыпались цѣлковые, ассигнаціи, пятаки—набралось больше тысячи. Пришелъ онъ въ судъ и выложилъ деньги на столъ. Позеленѣлъ Алтынниковъ. Въ слѣдующій базарный день, раздавалъ свой долгъ. Всѣ

брали только свое, а кто-то даже меньше, остался лишній рубль.

Ермила знала и любила вся округа — онъ былъ раньше писаремъ въ имѣньи князя Юрлова. Взятокъ онъ не бралъ, помогалъ, чѣмъ могъ, своему брату крестьянину. Но черезъ пять лѣтъ его прогнали, а на его мѣсто назначили пройдоху, которому не пришлось долго поцарствовать: старый князь скоро умеръ, молодой прогналъ писаря и велѣлъ вотчинѣ избрать бурмистра. Вотчина избрала Ермила. Семь лѣтъ занималъ онъ эту должность и только разъ покривилъ душой, да и то поправилъ свой грѣхъ. Вмѣсто своего брата Митрія сдалъ онъ въ рекруты сына Ненилы Власьевны. Потомъ дни и ночи не находилъ себѣ покоя, хотѣлъ даже повѣситься. Упросилъ брата вернуть сына Власьевны и сдать Митрія. Но отъ должности уволился. Взялъ въ аренду мельницу — народъ имъ не нахвалится, бралъ онъ за помолъ по совѣсти. Вотъ и спросить его, счастливъ ли онъ?

Проѣзжавшій мимо священникъ отсовѣтовалъ идти въ эту губернію такъ какъ несмотря на свои хорошія качества, Ермилъ угодилъ въ острогъ. Онъ хотѣлъ разсказать изъ-за чего, но вдали поднялась свалка и священнику помѣшали.

Подъ утро поразъѣхалась, поразошлась толпа. Странники надумали лечь спать, но въ то время услышали звонъ колокольчика. Въ тройкѣ сидѣлъ помѣщикъ Оболто - Оболдуевъ. Мужики вскочили, выстроились въ рядъ и загородили дорогу ямщику. Помѣщикъ испугался, вытащилъ револьверъ. Мужики успокоили его, что они не разбойники и упросили отвѣтить на вопросъ: сладка ли жизнь помѣщичья. Оболто - Оболдуевъ выскочилъ изъ тарантаса, пощупалъ у мужиковъ пульсъ и схватился за бока отъ смѣха. Успокоившись, велѣлъ слугѣ подать коверъ, подушку,

рюмку хересу и пригласилъ „гражданъ“ садиться. Онъ разсказалъ мужикамъ родословную Оболто-Оболдуевыхъ. Исполняя данное слово, началъ отвѣчать на вопросъ „сладка ли жизнь помѣщичья?“.

Прежде дворянамъ былъ почетъ, во всей округѣ помѣщикъ стоитъ „какъ солнце“. Пойдетъ въ деревню—крестьяне въ землю кланяются. Дома казались дворцами, пиры продолжались по недѣлямъ. У каждаго штатъ прислуги, музыканты, охотники. Осенью бывали охоты за пушнымъ звѣремъ. Что бы ни захотѣлъ помѣщикъ все по его—хочетъ онъ—сдѣлаетъ мужика охотникомъ, хочетъ — музыкантомъ, хочетъ ласкаетъ, хочетъ бьетъ.

„Законъ—мое желаніе!
Кулакъ—моя полиція.
Ударъ искросыпительный,
Ударъ зубодробительный,
Ударъ скуловорротъ“.

Теперь времена измѣнились — не бьютъ крестьянина, зато и не ласкаютъ „отечески“. Да, бывали помѣщики строги, но больше брали ласкою. Бывало въ Свѣтлое Христово Воскресеніе помѣщикъ и его семья христосовались съ крестьянами. Каждый двунадесятый праздникъ вся вотчина допускалась на всенощную въ господскія домъ. На другой день всѣ крестьянскія бабы сгонялись мыть полы, зато сохранялось „духовное родство“ зато и любили крестьяне помѣщика. Когда возвращались съ отхожихъ промысловъ, несли помѣщику—заморскаго вина, его женѣ—шелковой матеріи, варенья, разной рыбы, дѣткамъ лакомства, игрушки. Завидное было житье. Теперь не то! „Сословье благородное“ повымерло, мужики пьяны, верхъ берутъ чиновники. Лѣса вырубаются крестьянами, поля недоработаны, мужикъ учится читать, чтобы не оши-

биться и разобрать гдѣ находилось „распивочно и на выносъ“. Конецъ помѣщикамъ. Тутъ Оболто-Оболдуевъ зарыдалъ, а крестьяне подумали:

„Порвалась цѣпь великая,
Порвалась—разскочилася.
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику“.

Пришли странники на Волгу. Сѣнокосъ. Разгорѣлись глаза на чужую работу, захотѣлось и имъ покосить, взяли они у бабъ косы, наработались до устали, присѣли къ стогу. Вдругъ послышалась музыка, подъѣхали три лодки, вышелъ помѣщикъ, съ нимъ два сына, съ женами и тремя дѣтьми. Помѣщикъ обходитъ со всей семьей поле, передъ нимъ юлитъ бурмистръ; одинъ стогъ показался помѣщику сырымъ, онъ приказалъ разметать его „Гноитъ добро господское“. Сѣно раскидали, баринъ успокоился и направился завтракать. Попробовали странники сѣно—совсѣмъ сухо. Подошли они къ степенному Власу и стали распрашивать, почему у нихъ постарому дуритъ помѣщикъ, когда вездѣ новые порядки. Власъ отвѣчалъ что это князь Утятинъ, и сѣно не его, а крестьянское. Долго не соглашался Власъ разсказать, почему же помѣщикъ суется не въ свое дѣло, но послѣ двухъ стаканчиковъ сдѣлался разговорчивѣе.

Князь Утятинъ богатъ, знатенъ весь свой вѣкъ чудилъ надъ крестьянами. Когда вышелъ манифестъ, пріѣзжали исправникъ и посредникъ, ни за что не вѣрилъ; одинъ отвѣтъ—„врутъ разбойники“ Пріѣхалъ губернаторъ, заперся съ бариномъ въ кабинетѣ. Спорили долго. Князь разволновался, къ вечеру его хватилъ ударъ—вся лѣвая половина отнялась. Пріѣхали сыновья. У старшаго была довѣренность, установили они съ посредникомъ грамоту. Вдругъ старикъ всталъ.

Чуть заинкулись—разразилась гроза—назвалъ сыновей предателями, позорящими родъ Утятиныхъ. Оробѣли сыновья—какъ бы со зла не лишилъ наслѣдства Князь опять заболѣлъ. Одна изъ невѣстокъ возьми да и скажи ему, что помѣщикамъ опять отдали крестьянъ. Старикъ обрадовался, велѣлъ служить молебенъ, звонить въ колокола.

Наслѣдники упросили крестьянъ, чтобы они попрежнему все сносили отъ барина—ужъ не долго ему жить, а за то они обѣщали вотчинѣ подарить поемные луга. Мужики собрали сходъ, послали къ посреднику,—тотъ убѣдилъ, что дѣло выгодное. Міръ согласился, одинъ только Власъ противился—не хотѣлъ сносить больше отъ барина пинки, попреки, да придумывать отвѣты на рѣчи безумнаго старика, просилъ уволить его отъ должности бурмистра. Климъ Лавинъ, мужикъ неглупый, грамотный, предложилъ на мѣсто Власа себя. Все пошло по старому.—„Послѣдышъ“, какъ прозвали князя мужики, каждый день ѣздилъ черезъ деревню, оглядываетъ поля—ему предписаны прогулки. Бранитъ, кричитъ, называетъ лѣнтяями крестьянъ, не замѣчая, что полоса сработана куда лучше прежняго. Сойдутся крестьяне и надрываютъ животы надъ помѣщикомъ, вѣрнѣе надъ его приказами. Утромъ около господскаго дома мычала корова и разбудила барина,—приказъ пастуху—унимать коровъ. Собака сторожа непочтительно залаяла на барина,—сторожа прогнать.

Все шло хорошо, но вдругъ случилась бѣда. Былъ непокладистый крестьянинъ Агапъ Петровъ. Отправился онъ воровать средь бѣла дня бревна въ господскій лѣсъ. Навстрѣчу баринъ. Ужъ онъ пилилъ, пилилъ Агапа, толковалъ о своихъ правахъ. Наконецъ, вывелъ Агапа изъ терпѣнія. Тотъ взялъ и выложилъ всю правду, да наговорилъ къ тому же много дерзо-

стей. „Ты бунтовщикъ“, закричалъ баринъ и упалъ безъ чувствъ. За ночь оправился—на утро приказъ—въ присутствіи помѣщика и всей вотчины—наказать Агапа. Бурмистръ цѣлый день поилъ Агапа виномъ; потомъ привелъ его въ конюшню, поставилъ штофъ вина и говоритъ: „пей, да кричи „помилуйте“. Агапъ кричалъ, пока не выпилъ штофа. Его мертвецки пьянаго вынесли четыре мужика. Князь даже сжалился: „самъ виноватъ Агапушка“. На утро Агапъ умеръ, должно быть перепилъ.

Дѣйствительно, не долго покуражился баринъ, скоро померъ. Крестьяне перепились отъ радости, но скоро радость прошла: наслѣдники, изъ-за поемныхъ луговъ, судятся съ крестьянами, ужъ много лѣтъ.

Наши путники рѣшили, что нужно поискать счастливую среди бабъ. Имъ указали, въ селѣ Наготинѣ, на Матрену Тимофеевну, изъ села Клина.

Пришли они въ Клинъ. Ихъ глазамъ представилась брошенная помѣщикомъ усадьба. Дворовые все старые, хворые, одѣтые кто въ чемъ попало. Садъ имѣлъ такой же печальный видъ, какъ и люди,—бесѣдки сломаны, статуи разбиты, прудъ загрязненъ, а водившіеся прежде лебеди давно съѣдены дворовыми.

По пыльной дорогѣ возвращалась домой толпа жнецовъ и жницъ. Странники подошли къ ней и крикнули „которая Матрена Тимофеевна?“ „Что нужно?“—спросила смуглая, высокая, суровая женщина, лѣтъ тридцати семи. Странники, разсказавъ ей о себѣ, просили выручить ихъ: сказать, въ чемъ ея счастье. Чтобы имъ ужъ напрасно не искать чиновника, купца, министра, царя (еще допустятъ ли ихъ мужиковъ до него?). Матрена отказалась, ссылаясь на недосугъ, но когда странники пообѣщали, что завтра весь день проработаютъ на нее, согласилась. Въ родительскомъ

домѣ жила она хорошо. Отецъ съ матерью любили ее, баловали, братъ по утрамъ будилъ ее пѣсней. Парней она избѣгала, но—„суженаго конемъ не объѣдешь“: сосватали ее за питерщика—Филиппа Корчанина. Матрена съ Филиппомъ сговорились жить согласно, другъ друга не притѣснять. Несмотря на любовь молодыхъ, съ выходомъ замужъ наступила другая жизнь. Семья Филиппа была большая, недружная. Онъ самъ, отправляясь на заработки, совѣтовалъ ей терпѣть и молчать. Ей приходилось работать на старшую золовку, слѣдить, чтобъ свекръ не унесъ что-нибудь въ закладъ, опасаться невольнаго проступка противъ деревенскихъ примѣтъ. Все терпѣла. Зимой пришелъ Филиппъ, привезъ женѣ шелковый платокъ. Съ мужемъ забыла она свое горе. И впрямь, такого мужа, какъ Филиппъ, другого не найти: поколотилъ онъ ее всего одинъ разъ, да и то легко.

На Благовѣщенье Филиппъ опять ушелъ на промыселъ, а на Казанскую Матрена родила сына. Демушка былъ единственной радостью матери, своей улыбочкой давалъ онъ ей силу выносить и работу и попреки.

За Матреной сталъ пріударять господскій управляющій Ситниковъ. Матрена перестала ходить на барщину, онъ приходилъ въ избу. Матрена пряталась въ сарай, но свекровь вытаскивала ее, совѣтуя не шутить съ огнемъ, если не хочется быть солдаткой. Тогда Матрена обратилась къ дѣдушкѣ Савелію, родителю свекра-батюшки. Съ огромной сѣдой гривой, съ длинной бородой, дѣдъ походилъ на медвѣдя. Сынъ съ семьей звали дѣда „клейменнымъ, каторжнымъ“. А онъ уйдетъ въ свою свѣтелочку, читаетъ святцы, крестится, потомъ вдругъ и скажетъ: „клейменный, да не рабъ“. Какъ свекръ разскандалитъ, Матрена уходила къ дѣдушкѣ, работала, а Дема сидѣлъ на

печи у дѣда. Разъ Матрена не утерпѣла и спросила Савелія, за что его зовутъ „клейменнымъ, каторжнымъ“. Дѣдъ отвѣчалъ, что онъ былъ въ каторгѣ, за то, что закопалъ въ землю живымъ нѣмца Фогеля. Онъ разсказалъ ей повѣсть своей жизни.

Въ былыя времена онъ былъ тоже барскимъ, но ихъ вотчина и въ глаза не видала ни помѣщиковъ ни нѣмцевъ-управителей. Она была расположена въ глухомъ лѣсу, окруженномъ болотами. Ихъ помѣщикъ Шалашниковъ хотѣлъ пробраться со своимъ полкомъ, но повернулъ обратно. Тревожили ихъ только медвѣди. Вдругъ Шалашниковъ прислалъ приказъ—явиться. Вотчина молчитъ. Три раза пріѣзжали—первый разъ крестьяне откупились медомъ, рыбою, второй—звѣриными шкурами, а третій разъ ничего не дали, одѣлись побѣднѣе и отправились въ городъ. Шалашниковъ требовалъ съ нихъ оброка, они отвѣчали, что хлѣбъ не уродился, улова не было. Велѣлъ ихъ драть, терпѣли крестьяне сколько силъ было, наконецъ взмолились — распоясались и вынули „лобанчики“. Отправились домой и сговорились больше не платить. Каждый годъ дралъ мужиковъ помѣщикъ, но доходу получалъ немного. Наконецъ, случилось, что Шалашникова убили. Пожаловалъ нѣмецъ-управитель, хитростью обошелъ крестьянъ, и тѣ, не подозрѣвая, что дѣлаютъ, вырубили дорогу, по которой пріѣхали власти, и къ нѣмцу гости. До нитки разорилъ онъ ихъ, а дралъ не хуже Шалашникова. Осемнадцать лѣтъ терпѣли крестьяне. Выстроилъ нѣмецъ фабрику, велѣлъ рыть колодецъ. Девять человѣкъ копали его. Въ полдень пришелъ нѣмецъ, сталъ ихъ корить, что мало сдѣлали. Мужики, какъ-то, не сговариваясь, стали оттѣснять его къ ямѣ, столкнули туда и закопали. Только тогда переглянулись.

Посадили мужиковъ въ острогъ, потомъ приговорили къ плетямъ и каторгѣ.

Бѣжалъ-то съ каторги, вернули, еще разъ выдрали. Двадцать лѣтъ провелъ онъ въ каторгѣ, двадцать лѣтъ на поселеньи, прикопилъ денегъ, вернулся по манифесту на родину, пристроилъ къ избѣ горенку— и живетъ себѣ.

Примолкла на минуту Матрена и стала разсказывать дальше. Старикъ умеръ съ холеры, но подошла другая бѣда. Матрена носила съ собой на полевыя работы Демушку, но свекровь ей запретила, найдя, что ребенокъ отрываетъ отъ дѣла. Какъ-то разъ оставила Матрена сынишку на попеченіе дѣдушки. Тотъ заснулъ на заваленкѣ и Дёмушку загрызла свинья.

Пріѣхали судьи, вызвали на допросъ всю семью. Стали допытывать, не была ли Матрена въ сожительствѣ съ Савеліемъ, не по взаимному ли согласію убили они ребенка; потомъ стали анатомировать Дёмушку. Тутъ Матрена какъ будто помѣшалась.

Нужно только представить себѣ, что должно было твориться въ умѣ и сердцѣ темной, крѣпостной крестьянки, при видѣ „надруганія“ надъ трупомъ сына, если и теперь еще, въ нашъ просвѣщенный 20-ый вѣкъ, мало кто добровольно согласится дать для вскрытія тѣло дорогого покойника.

Ее связали. Ночью она очнулась, вылѣзла изъ клѣти и до утра была вмѣстѣ съ Савеліемъ у гробика Дёмушки. Долго горевала Матрена. Савелія не могла видѣть, работать не работала, все сидѣла на могилкѣ. Старикъ ушелъ на покаяніе въ монастырь. Три года прошли незамѣтно, каждый годъ дѣти, жизнь впроголодь, а тутъ новое горе—умерли родители. Промчались еще четыре года. Сынка Ѳедотушку, которому исполнилось восемь лѣтъ, свекръ отдалъ въ подпаски. Какъ-то пастухъ ушелъ. Мальчикъ сѣлъ на пригорочекъ, вдругъ видитъ огромная волчица схватила Марьину овцу и пошла прочь. Ѳедотушка по-

звалъ собаку и погнался за волчицей. Она пошла типе: сосцы у нея волочились, порѣзались травой. Она сѣла, мальчикъ подбѣжалъ, стегнулъ кнутомъ, вырвалъ овцу. Волчица жалобно завыла. Мальчикъ посмотрѣлъ—овца мертва. Пожалѣлъ онъ сѣрую и отдалъ ей овцу. А придя въ село, по глупости всѣмъ разсказалъ. Крестьяне озлились, рѣшили выдрать. Подоспѣла Матрена, вырвала отъ нихъ Ѳедотушку. Въ это время съ охоты возвращался помѣщикъ, она къ нему за защитой. Помѣщикъ рѣшилъ—выдрать, вмѣсто Ѳедотушки, Матрену, если она согласится на мѣну. Но на что не согласится мать, чтобы спасти дитя? Матрена послала мальчика домой, а сама легла подъ розги.

Въ этотъ годъ случился недородъ. Только справились съ „безхлѣбицей“, подоспѣла рекрутчина. Хоть и былъ забритъ старшій братъ Филиппа, взяли и его. Матрена ходила послѣдніе дни. Какъ узнала о своемъ горѣ, вся обмерла. Живо представилась ей горькая жизнь солдатки-крестьянки. Послѣдняя въ домѣ, прислужница и старому и малому—лишній ротъ. Дѣтишки ея постоянно безъ вины виноваты. Въ деревнѣ тоже всѣ искоса посматриваютъ. Что ни скажетъ, какъ ни ступитъ, все не такъ.

Какъ только всѣ заснули, Матрена соскочила съ печи и выбѣжала на улицу. Только когда ударили къ заутрени, добрела она до города. Разыскала губернаторскій домъ, дала швейцару рубль и упросила провести къ губернатору. Швейцаръ позвалъ ее къ себѣ въ горницу испить чайку. Къ крыльцу подали карету. Съ лѣстницы спускалась губернаторша. Матрена бросилась ей въ ноги: „спаси, кормильца отъ дѣточекъ берутъ“. Тутъ отъ волненья ускорились роды.

Очнулась Матрена въ большой комнатѣ, увидала на рукахъ у мамки своего сынка, котораго крестила

губернаторша и назвала Ліодорушкой. Филиппа вернули и они вмѣстѣ отправились домой.

Матрена замолкла. Странники спросили, что же дальше. —„Ославили счасливицей, прозвали губернаторшей“. Что же дальше? Править домомъ, ростить дѣтей. Одного сына ужъ забрили. Счастья женскаго не найти. „Ключи отъ счастья женскаго, отъ нашей вольной волюшки, заброшены, потеряны у Бога самого“.

Таково въ краткихъ словахъ содержаніе поэмы „Кому на Руси жить хорошо“. Въ ней, какъ мы видимъ затрагиваются самыя разнообразныя стороны крестьянской жизни.

Поэма эта не окончена. Окончаніе должно было быть таково: не найдя по всей Руси счастливаго, странники возвращаются къ своимъ семи деревнямъ: Горѣлову, Неѣлову и др. Деревни эти смежны, и отъ каждой идетъ тропинка къ кабаку. У этого кабака мужики встрѣчаютъ пьянаго, спившагося человѣка, „подпоясаннаго лыкомъ“ и съ нимъ за чаркой узнаютъ „кому на Руси жить хорошо“.

Несмотря на то, что большинство стихотвореній, касающихся крестьянскаго быта, носитъ грустный тонъ, Некрасовъ, любя народъ, глубоко вѣритъ въ возможность для него лучшаго будущаго, и въ то, что онъ самъ завоюетъ его: „Лишь Богъ послалъ бы Русской груди

Вздохнуть пошире, повольнѣй,
Покажетъ Русь, что въ ней есть люди,
Что есть грядущее у ней...
Въ ея груди
Бѣжитъ потокъ живой и чистый
Еще нѣмыхъ народныхъ силъ („Несчастные“)

Или еще болѣе ясное подтвержденіе этого его взгляда:

„Да не робѣй за отчизну любезную!...
Вынесетъ все—и широкую, ясную
Грудью дорогу проложитъ себѣ“.

Страдающіе и обездоленные бываютъ, конечно, во всякомъ классѣ общества. Некрасовъ, понимая и видя это, сочувствовалъ имъ. Этому горю посвящены многія стихотворенія: „Пьяница“, „Воръ“, „Въ больницѣ“, „Несчастные“ „Филантропъ“. Но наибольшей любовью пользовалось крестьянство, иначе Некрасовъ нашелъ бы много матеріала для своихъ пѣсенъ въ бытѣ фабричной бѣдноты.

Такими же симпатіями, какъ крестьянство, пользуется русская женщина, безправная, угнетенная. Некрасовъ даетъ намъ рядъ женскихъ образовъ, нарисованныхъ съ привлекающей искренностью. Его вдохновляютъ страданія и героизмъ женщины. Своими пѣснями, посвященными ей, онъ расчищаетъ дорогу къ освобожденію женщины, рисуя всю неприглядность ея жизни. Некрасовъ говоритъ о женской жизни въ различныхъ классахъ. Больше всего, конечно, отведено мѣста крестьянкѣ. Передъ нами женщина—раба, раба вдвойнѣ—господская и мужняя. Тяжела ея доля. Съ дѣтства до могилы трудъ, упорный, часто непосильный. Въ дѣтствѣ должность „няньки“ при младшихъ братьяхъ и сестрахъ, или въ чужой семьѣ, затѣмъ крестьянская работа на свою семью, потомъ на семью мужа. Въ новой обстановѣ жизнь складывается еще печальнѣе. Всѣмъ она должна угождать, работать, какъ простая батрачка, тепѣть попреки, выносить побои и ласки пьянаго мужа. Въ недородѣ видѣть голоданіе своихъ дѣтишекъ. Зимой возить изъ лѣсу дрова, лѣтомъ съ утра до вечера работать въ полѣ, отрываясь только, чтобы сунуть второпяхъ грудь ребенку, да испить квасу. Ѣстъ она всю жизнь впроголодь. Если она дворовая, еще того хуже: кромѣ

нелегкой работы, должна безропотно выносить приставанья барина и управляющаго, если не хочетъ навлечь гнѣва на свою семью и сдѣлаться солдаткой.

Въ среднихъ классахъ—она раба предразсудковъ; ее воспитываютъ не какъ женщину-гражданку, а какъ хорошенькую куколку, нужную для украшенія дома. Читаетъ она французскіе романы, учится танцовать, наряжается. Когда выростаетъ, родители составляютъ ей „прекрасную партію“. Послѣднее дѣлается и въ кругу крестьянъ и мѣщанъ. Но тамъ женщина, коли ей ужъ очень невтерпежъ, уходитъ отъ мужа и, полюбивъ, открыто сознается въ этомъ, предпочитая лучше голодать, чѣмъ быть весь вѣкъ рабой нелюбимаго человѣка. Женщина же средняго круга подчиняется родительской волѣ и влачитъ съ немилымъ мужемъ жалкое существованіе, не рѣшаясь порвать со „свѣтомъ“.

Вотъ передъ нами двѣ некрасовскія женщины—героини, жены декабристовъ, княгини Волконская и Трубецкая. Эти женщины, съ рѣдкимъ самопожертвованіемъ, побуждаемыя горячею любовью къ мужьямъ, покидаютъ богатство, свѣтъ, почетъ, семьи и рѣшаются слѣдовать за своими мужьями - героями. Онѣ не страшатся ни отцовскаго гнѣва, ни лишеній въ дорогѣ, длинной, утомительной, ни страшныхъ картинъ, рисуемыхъ, по приказанію государя, губернаторомъ въ Иркутскѣ. Нужно отдать справедливость русскому простому человѣку, что онъ умѣетъ цѣнить такіе подвиги либви. И если княгини встрѣчали на своемъ пути грубости, презрѣнніе, то отъ людей средняго круга, русскіе же мужички относились къ нимъ съ почтеніемъ, съ трогательною нѣжностью.

Своими стихотвореніями, касающимися женской доли, Некрасовъ дѣйствительно сумѣлъ поднять интересъ къ вопросу о безправіи женщины.

Большинство, изъ лучшихъ стихотвореній, посвящено памяти матери. Это объясняется двумя причинами: чувствомъ благоговѣнія, которое питалъ Некрасовъ къ своей матери, во-вторыхъ, сходствомъ ея судьбы съ судьбою многихъ русскихъ женщинъ. Мать сыграла въ жизни поэта огромную роль. Это была женщина съ тонкой душевной организаціей, сумѣвшая въ гнетущей семейной обстановкѣ сохранить душевную мягкость, любовь и жалость къ страдающимъ, въ особенности къ крестьянамъ, внушившая такое же отношеніе и своему сыну. Поэтъ считаетъ ее своимъ добрымъ геніемъ, къ ней онъ обращается во время нравственныхъ и физическихъ недуговъ. Ея памяти повѣряетъ онъ свои сомнѣнія, колебанія, передъ нею кается въ своихъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеніяхъ. Ей посвящены „Внимая ужасамъ войны“, „Рыцарь на часъ“, „Мать“ и многія „покаянныя пѣсни“.

Некрасовъ не могъ не знать и не чувствовать темныхъ сторонъ чиновничьяго быта и помѣщичьяго. Первый онъ затрогиваетъ въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Чиновникъ“, „Маша“, „Утренняя прогулка“, „Колыбельная пѣсня“, „У параднаго подъѣзда“, „Филантропъ“.

Здѣсь выступаютъ всѣ непріятныя черты чиновничьей среды. Низкопоклонничество передъ начальствомъ, грубое, пренебрежительное отношеніе къ низшимъ. Отсутствіе какихъ бы то ни было интересовъ, кромѣ службы и преферанса. Показная добродѣтель, а на самомъ дѣлѣ—узкій карьеризмъ, взяточничество. Въ высшемъ чиновничьемъ кругѣ—жизнь во свое удовольствіе, въ низшемъ—перебиваніе съ хлѣба на квасъ, жизнь чуть ли не въ подвалѣ, который въ наводненіе совершенно заливается.

Со стороны старшихъ показная благотворительность

ко всѣмъ ниже стоящимъ. Таковъ „филантропъ“ въ сатирѣ того же названія.

Былъ въ столицѣ богатый генералъ, ревнитель народнаго просвѣщенія. Онъ писалъ книжки, продавая ихъ „дешевле пятака“, для назиданія мужика. Въ нихъ говорилось объ электричествѣ. Онъ также проповѣдывалъ смиреніе. Пріобрѣлъ популярность. Слухъ о немъ дошелъ до отставного чиновника. Чиновникъ этотъ былъ престранное явленіе. Когда-то имѣлъ доходное мѣсто, а доходовъ не имѣлъ—не любилъ возиться со взятками. Начальство и окружающіе не взлюбили его за такую глупую чстность, стали преслѣдовать по службѣ. При ревизіи придрались къ какому-то упущенію, подвели подъ судъ и „упекли“. Наголодался, нахолодался онъ съ семьей, лишившись мѣста. Не разъ, въ наиболѣе тяжелыя минуты, стали закрадываться сомнѣнія—и впрямь не былъ ли онъ глупъ со своею честностью? Но онъ получилъ извѣстіе о петербургскомъ генералѣ-филантропѣ. Бѣднякъ ожилъ духомъ, исполнился уваженіемъ къ себѣ, пересталъ стыдиться нищеты. Кое-какъ „сколотилъ“ сто рублей и поѣхалъ въ Питеръ, чтобы воспользоваться добротою генерала. Собираясь къ нему, чиновникъ приготовилъ рѣчь, въ которой хотѣлъ разсказать повѣсть своей жизни—какъ онъ служилъ вѣрой и правдой и за эту же правду пострадалъ, какъ нуждался, но подкрѣплялъ себя не чаркой, а книжкой генерала.

Поставили его въ очередь въ пріемной. Подошелъ и къ нему филонтропъ. Бѣднякъ такъ испугался, что забылъ всю овою рѣчь, помертвѣлъ, перекосилъ лицо. Подъ вліяніемъ воспоминаній о лучшей долѣ и о печальномъ настоящемъ, не выдержалъ, зарыдалъ. „Его превосходительство“ вообразило, что проситель пьянъ и приказалъ гайдукамъ вывести его. Но несчастное это происшествіе подѣйствовало такъ, что онъ дѣйст-

вительно отправился въ питейное заведеніе, и съ этого времени сталъ его постояннымъ посѣтителемъ.

Непривда ли очень назидателенъ образъ филантропа, оповѣстившаго о своемъ человѣколюбіи на тысячи верстъ, а не съумѣвшаго при столкновеніи съ дѣйствительнымъ бѣднякомъ, отличить „голоднаго отъ пьянаго.“?

Такимъ же чудакомъ-чиновникомъ, какъ и только что изображенный бѣднякъ, является и мужъ „Маши“. Онъ, зараженный вредными идеями, предпочитаетъ сидѣть надъ работой дни и ночи напролетъ, не желая воспользоваться услугами казеннаго сундука.

Помѣщикамъ отведено большее мѣсто, онъ бичуетъ ихъ недостатки, ясно выступившіе въ „кому на Руси жить хорошо“. Также строго относится Некрасовъ и вообще къ богатымъ. Изъ этой группы стихотвореній особенно выдѣляется „Нравственный человѣкъ“ „Самодовольныхъ болтуновъ“, „Папаша“, „Дешевая покупка“ „Послѣдышъ“.

Особенно интересна сатира „Нравственный—человѣкъ. Въ ней поэтъ осмѣиваетъ человѣка, пользующагося солиднымъ общественнымъ положеніемъ и отличающагося примѣрной нравственностью.

Съ виду—это строгій моралистъ, внутри—человѣкъ эгоизмъ котораго достигаетъ крайней степени, душѣ котораго не доступны никакія человѣческія чувства. Онъ подстерегъ свою жену съ любовникомъ и накрылъ ихъ съ полиціей. Тотъ вызвалъ его на дуэль онъ не дрался. Жена отъ позора и тоски зачахла и вскорѣ умерла. Пріятель не заплатилъ въ срокъ долга и за то угодилъ въ тюрьму. Скончавшись въ ней, не заплатилъ ни алтына; въ тотъ же день онъ былъ прощенъ своимъ кредиторомъ. Крѣпостной, отданный въ ученье въ повара, имѣлъ „неприличное пристрастіе“ къ чтенію; чтобы „выбить дурь“, онъ велѣлъ посѣчь

повара, а послѣдній съ горя утопился. Дочь влюбилась въ учителя и хотѣла бѣжать съ нимъ; пригрозивъ проклятьемъ, выдалъ за старика-богача. Несмотря на полный, какъ чаша, домъ, Маша черезъ годъ умерла въ чахоткѣ. И этотъ-то человѣкъ, систематически вколачивающій въ гробъ окружающихъ, считаетъ, что „живя согласно съ строгою моралью“, онъ „никому не дѣлалъ въ жизни зла“!

Папаша въ сатирѣ того же названія, еще отвратительнѣе „нравственнаго человѣка“, о которомъ мы только что говорили.

Съ дѣтства онъ привыкъ къ хорошей жизни. Сдѣлавшись взрослымъ, поздно ложился, поздно вставалъ. Справивъ свой туалетъ, отправлялся для прогулки на Невскій. Онъ былъ красивъ собой и не брезговалъ положеніемъ „Альфонса“. Онъ задавалъ пиры; знать, въ душѣ презиравшая его, съѣзжалась—такъ какъ явной подлости не было.

Но съ годами красота поблекла, дѣла пошли хуже. Онъ пустилъ въ ходъ косметику, но и это плохо поднимало ему цѣну. Отправился въ заграничный курортъ, но черезъ восемь лѣтъ вернулся въ Петербургъ, порядочно общипанный матеріально и физически—лѣвая нога отказывалась гнуться. Привычка свѣтской, достаточной жизни такъ вкоренились, что отказаться отъ нихъ, признаться въ бѣдности,—не хватаетъ силъ, онъ предпочитаетъ продать свою дочь. Ея позоромъ, деньгами, полученными съ любовниковъ, удовлетворяетъ своимъ привычкамъ свѣтскаго „льва“.

Что можетъ быть отвратительнѣе отца, сознательно продающаго свою дочь?

Типъ изъ „Самодовольныхъ болтуновъ“ напоминаетъ собою „филантропа“, но, представляя изъ себя явленіе обычное, возбуждаетъ въ насъ меньшее негодованіе.

„Филантропъ“ подтверждаетъ своимъ примѣромъ

пословицу: „сытый голоднаго не понимаетъ“. Рѣшетиловъ же нуждаясь, даетъ обѣтъ озолотить бѣдняковъ, когда получитъ имѣніе отъ дѣда; относится къ „русскимъ либераламъ насмѣшливо, даже съ презрѣніемъ,

Но, вступивъ во владѣніе, онъ совершенно забываетъ благіе порывы и начинаетъ жить во свое удовольствіе.

Олицетвореніемъ помѣщика, наиболѣе яркимъ выразителемъ типа помѣщиковъ дореформеннаго времени и тотчасъ же послѣ него, девизомъ которыхъ было „кулакъ зубодробительный, кулакъ скуловоротъ“ является „Послѣдышъ“ и „Оболто-Оболдуевъ“ изъ „Кому на Руси жить хорошо“.

Слѣдуетъ остановиться на произведеніяхъ, въ которыхъ выразилось критическое отношеніе къ нашей интеллигенціи. Нужно замѣтить, что Некрасовъ отлично видѣлъ, со свойственной ему проницательностью всю неглубокость, всю наносность сочувствія къ народу и другихъ либеральныхъ стремленій. Конечно, было бы несправедливостью приписывать поэту, отрицаніе важности либеральныхъ начинаній. Если бы это было такъ, то Некрасовъ не заслуживалъ бы названія „народнаго поэта“. Послѣднему должно быть свойственно пониманіе нуждъ „народа“, въ широкомъ смыслѣ этого слова, а не только части его, крестьянства. Мы и видимъ, что Некрасовъ является защитникомъ всѣхъ угнетенныхъ въ самыхъ различныхъ классахъ. Слѣдовательно, онъ искренне сочувствовалъ стремленію къ преобразованіямъ, къ оздоровленію русской дѣйствительности, „гнусной дѣйствительности“ какъ говаривалъ учитель Некрасова—Бѣлинскій.

Некрасовъ преклонялся передъ такими личностями, какъ Бѣлинскій, Грановскій, глубоко уважалъ такихъ, какъ Тургеневъ, Григоровичъ, впослѣдствіи Чернышевскій, Добролюбовъ. Но, конечно, не могъ не видѣть

разницы между этими истинными апостолами гражданской правды и многочисленнымъ сонмомъ болтуновъ. Онъ пишетъ: „суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано“. Этихъ то дѣятелей слова, а не дѣла онъ и касается въ „Поэтѣ и Гражданинѣ“ и „Медвѣжьей охотѣ“.

Оба произведенія написаны въ стихотворной формѣ. Тонъ ихъ разный. Тонъ „Поэта и гражданина“ болѣе радужный. Настоящее темно, уныло, но будущее рисуется болѣе свѣтлымъ. Это—пѣснь молодого человѣка, перенесшаго много тяжелаго, но имѣющаго силы встрепенуться при первыхъ проблескахъ „весны“.

„Медвѣжья охота“—тяжелый вздохъ старика, пережившаго разочарованіе и не видящаго впереди разсвѣта. Такъ охарактеризовалъ эти два произведенія одинъ изъ критиковъ.

Содержаніе „Поэта и гражданина“ таково. Гражданинъ входитъ къ поэту и застаетъ его лежащимъ и ничего не дѣлающимъ. Гражданинъ стыдитъ его за праздность. Онъ говоритъ о томъ, что пора вставать—наступило время, когда всякій, у кого есть понятіе долга, чести, долженъ принести свою посильную лепту на службу отечеству. Нужно проснуться, употребить даръ слова на борьбу съ порокомъ. Поэтъ беретъ Пушкина, подаетъ его гражданину. Тотъ читаетъ: „не для житейскаго волненія, не для корысти, не для битвъ,—мы рождены для вдохновенья“. Гражданинъ находитъ, что эти строки великолѣпны, но стихи его пріятеля лучше. Они не хороши по формѣ, въ элегіяхъ повторяются старыя истины, сатиры обидны, но онъ замѣтенъ. Въ то время, „когда свободно рыскалъ звѣрь, а человѣкъ бродилъ пугливо“, онъ твердо держался одного направленія; свѣточъ его не могъ всенародно разгорѣться лишь въ силу обстоятельствъ. Пока нѣтъ разсвѣта, съ его талантомъ нужно дѣйствовать, а не

хандрить. Въ такое время, полное гражданскаго горя, не годится воспѣвать красоту природы, ласки любимой женщины. Что жъ, что его призваніе заключается въ лирическихъ пьесахъ, онъ долженъ думать о томъ, что отъ такихъ созданій поэзіи родинѣ, бѣдной достойными людьми, не станетъ легче. Преданныхъ отчизнѣ очень мало, большинство ведетъ пустую жизнь, взяточники, воры, или люди, цѣль жизнь которыхъ—пустые разговоры. Часть трясется за свою шкуру, и оправдываетъ свое бездѣйствіе тѣмъ, что не хотятъ вредить, и безъ нихъ, молъ, время, исцѣлитъ общественные недуги. Честный гражданинъ долженъ не походить ни на одного изъ этихъ паразитовъ общества. Онъ долженъ жертвовать жизнью за свои убѣжденія, за свою привязанность къ Россіи.

Поэтъ, служа искусству долженъ быть гражданиномъ; мотивомъ для его твореній должны служить различныя проявленія общественной жизни. Поэтъ возражаетъ: онъ находитъ, что „судить другихъ способенъ только геній“.

Положеніе безмолвнаго гражданина завидное—они же, поэты, часто дѣлаютъ невѣрные шаги, побуждаемые то самолюбіемъ, то страхомъ. Гражданинъ возмущается мнѣніемъ поэта. Онъ вѣритъ въ то, что теперь такое время, что „поэтомъ можешь ты не быть, но гражданиномъ быть обязанъ“. У насъ изобиліе представителей самыхъ различныхъ профессій, но совершенное отсутствіе гражданъ. Даже поэту чуждъ образъ гражданина. Положеніе поэта въ современномъ обществѣ легче, чѣмъ гражданина — первый можетъ проклинать, или хотя бы стонать, второй долженъ молчать. Иначе ему грозитъ печальная участь немногихъ нашихъ гражданъ. Поэтъ соглашается, что въ свободномъ словѣ есть отрада. Въ первые годы своей дѣятельности, онъ посѣщалъ тюрьмы, суды, больницы, „честно ненавидѣлъ,

искреннее любилъ". Но, услыша обличенья, ихъ назвали клеветой и предложили или измѣнить мотивы, или расплатиться за написанное. Но гибнуть въ двадцать лѣтъ, было слишкомъ тяжело. Жизнь впереди казалась еще такою лучезарною, заманчивою, грезилась любовь—поэтъ отступилъ. До сихъ поръ онъ раскаивается въ сдѣланномъ шагѣ, въ преступленіи противъ долга. Часто ему хотѣлось говорить о горѣ близкихъ, а между тѣмъ онъ долженъ былъ воспѣвать красоту природы, или въ угоду сильнымъ бичевать пороки слабыхъ.

Эта сатира имѣетъ огромное значеніе, какъ показатель того, насколько Некрасовъ былъ преданъ идеѣ гражданственности.

Главныя лица, діалогъ которыхъ служитъ содержаніемъ „Медвѣжьей охоты" — Миша и Пальцевъ. Миша—дѣйствительный статскій совѣтникъ, лѣтъ 45-ти, весельчакъ, служитъ. Пальцевъ не служитъ и не служилъ, ему лѣтъ 50. Они принимаютъ участіе въ медвѣжьей охотѣ князя Воехотскаго. По дорогѣ къ мѣсту охоты Миша и Пальцевъ бесѣдуютъ. Пальцева тяготитъ кругъ, въ которомъ онъ вращается. Два-три порядочныхъ человѣка на сотню фатовъ, которыхъ совершенно не касается прогрессъ. Весь ихъ міръ—вино, скачки, балы, женщины. Чернью они гнушаются, передъ высшими ходятъ на заднихъ лапкахъ. Въ результатѣ, отъ своей безпорядочной жизни они въ двадцать лѣтъ начинаютъ лысѣть, худѣть, пьянѣть отъ стакана вина. Всѣ они глупцы, невѣжды. Миша протестуетъ. Онъ не отрицаетъ, что въ „свѣтѣ" дѣйствительно много такихъ типовъ, но если поискать внимательнѣе, то найдутся люди съ болѣе широкимъ горизонтомъ. Есть дѣйствительно талантливые, умные, образованные; если бы ихъ соединить общимъ дѣломъ, они могли бы много совершить. Прогрессъ безусловно коснулся Россіи.—Прежде повсюду только и слышались звуки

пощечинъ и брань, теперь появляются споры, и игривые, въ политическомъ смыслѣ, тосты за бокаломъ вина. Потомки прежнихъ помѣщиковъ, властелиновъ цѣлыхъ округовъ, считаютъ себя друзьями народа, засѣдаютъ въ научныхъ и благотворительныхъ обществахъ. Въ литературѣ тоже наступаетъ новое вѣянье. Администрація обновляется. По словамъ Пальцева эти администраторы опредѣляются очень вѣрно, гдѣ то слышанной имъ эпитафіей,—„принявъ систему полумѣръ за идеалъ, добро онъ портилъ, зла не улучшалъ, но честный былъ администраторъ“. Миша все же беретъ ихъ подъ свое покровительство. Еще недавно на первомъ планѣ была личная выгода, а теперь многіе увлекаются общественнымъ дѣломъ. Пальцевъ смѣется надъ этимъ наплывомъ лицъ, волнуемыхъ общественными заботами, такъ какъ народу не стало легче отъ ихъ изобилія. Миша не соглашается съ этимъ мнѣніемъ. Его радуетъ, что теперь рядомъ съ консерваторомъ—радикалъ. Недавно никто не причислялъ себя къ какому-нибудь лагерю, теперь вездѣ видны зародыши критики. Пальцевъ же находитъ, что современное мнѣніе можно только презирать. У русскаго всегда виноваты битые, которымъ потерянъ счетъ. Судьба всякой новой мысли такова—сперва всеобщее сочувствіе, потомъ усталость отъ него. Наступаетъ страхъ за то, какъ посмотритъ на эту идею начальство. Если она имъ принята одобрительно, опять ликованіе, даже со стороны тѣхъ, которые вовсе не рады новости. Но, если надъ такой новинкой собираются тучки, съ какимъ остервенѣніемъ всѣ набрасываются на нее. Съ какою рабскою угодливостью рукоплещутъ консерваторамъ, клевещутъ, выдаютъ своихъ друзей. Такъ погибли многія хорошія идеи, послуживъ средствомъ къ возвышенію беззастѣнчивой продажности. Когда польются новыя мѣропріятія, опять таки всѣ восхи-

щаются ими, но черезъ два-три дня, уже проклинаютъ „рановременную мѣру“. Какое же это общественное мнѣніе?

Князь Воехотскій въ это время подходитъ къ своему гостю барону Гребену и тоже вступаетъ съ нимъ въ разговоръ на общественныя темы. Князь находитъ, что сама наша суровая, нерадостная природа осудила народъ на тяжелый трудъ. Только одно невѣжество спасаетъ его отъ отчаянья. Его судьба—безграмотство, безпутство физическое и моральное, налоги, трудъ, солдатчина; радость—водка.

Миша съ Пальцевымъ, послѣ краткаго перерыва, продолжаютъ бесѣду. Первый предлагаетъ вспомнить то время, когда еще не слышались такъ надоѣвшія теперь слова—„свобода“, „жалость“, когда общимъ интересомъ былъ только расчетъ и угнетеніе народа. Миша спрашиваетъ, помнитъ ли Пальцовъ всѣ ужасы крѣпостного права, которое онъ еще засталъ ребенкомъ. Онъ съ отвращеніемъ вспоминаетъ объ этомъ періодѣ русской жизни, когда дворянскихъ сынковъ учили лишь настолько, чтобъ они могли сдѣлать карьеру. Дворянское развитіе имѣло три главныхъ пункта: сперва кутежъ, въ зрѣлые годы—„наука жизни“ почерпываемая въ „свѣтѣ“, затѣмъ завѣтная цѣль всей жизни—почетное, доходное мѣстечко. Всѣ наживались за исключеніемъ крестьянина да честнаго либерала-идеалиста. Ихъ, этихъ „лишнихъ людей“, судили очень строго. Всматриваясь въ дѣла давно минувшихъ дней, нужно признать всѣ ихъ хорошія качества.

Либералъ-идеалистъ, чуждый житейской грязи, корысти, возившійся съ брошюрами, боготворившій въ то же самое время красоту, хотя и не сдѣлавшій никакого практическаго шага на общественномъ поприщѣ, былъ живою укоризною общества. Теперь этотъ типъ вывелся, остались только отдѣльные пред-

ставители его. Многіе достали себѣ мѣста, на которыхъ можно обойтись безъ „доходовъ“, получаютъ сносное вознагражденіе и живутъ помаленьку. Молодое поколѣніе, клеймящее ихъ за это измѣнниками, не право. Представители сороковыхъ годовъ, честно держали свое знамя, они не продали своихъ убѣжденій.

Такимъ же добрымъ словомъ нужно помянуть и, литературу тѣхъ годовъ. Въ ней господствовала, или, вѣрнѣе, начинала господствовать проповѣдь, стремленіе посредствомъ нея подвинуть впередъ общество. Въ литературѣ тогда дѣйствовали такія личности, какъ Бѣлинскій, Грановскій, Гоголь. Больше всѣхъ изъ нихъ сдѣлалъ „чернорабочій“ Бѣлинскій, этотъ апостолъ правды, труда и свободы личности. Грановскій, какъ профессоръ исторіи, расчищалъ пути къ истинному освѣщенію историческихъ событій. Гоголь изображалъ, безъ прикрасъ, печальную дѣйствительность. Народъ, имѣющій въ прошломъ такихъ дѣятелей, достигнетъ лучшаго будущаго.

Рѣзко видна разница между „Поэтомъ и гражданиномъ“ и „Медвѣжьей охотой“ герои перваго всѣ въ настоящемъ, второго—всѣ въ будущемъ.

Чисто сатирическія произведенія не особенно удачны по формѣ и далеко уступаютъ щедринской сатирѣ по глубинѣ. Наиболѣе удаченъ „Нравственный человѣкъ“. Изъ касающихся печати—лучшіе „Осторожность“, „Литераторы“; но ихъ такъ же, какъ „Балетъ“ „Газетная“, можно назвать юмористической шуткой. Въ „Литераторы“ Некрасовъ иронизируетъ надъ нашей публикой, испугавшейся дарованной свободы печати. Ихъ смущаетъ то, что теперь можно говорить въ литературѣ не только про мелкаго человѣка, можно осуждать поступки лицъ, выше полковника, прежней границы критики. Появились литераторы, утверждаю-

щіе, что въ цивилизованномъ классѣ распространена ложь, притворство, нравственное растлѣніе. По мнѣнію этихъ „писакъ“, только одинъ мужикъ служитъ идеаломъ гражданина.

Некрасовъ вѣрно подмѣтилъ настроеніе, имѣвшее мѣсто тотчасъ послѣ дарованія большей свободы печати.

Слѣдуетъ упомянуть о стихотвореніяхъ, посвященныхъ рускимъ дѣтямъ. Некрасовъ, любя дѣтей, хорошо зналъ ихъ. Наибольшимъ расположеніемъ пользовались крестьянскіе ребятишки, съ которыми онъ выросъ, въ проказахъ которыхъ принималъ участіе, и, слѣдовательно, отлично понималъ. Стихотворенія эти можно раздѣлить на два отдѣла: во-первыхъ, въ которыхъ говорится про дѣтскую жизнь, во-вторыхъ, различные разсказы, посвященные имъ. Къ первому отдѣлу принадлежатъ: „Школьникъ“, „Крестьянскія дѣти“, „Плачъ дѣтей“, „Кумушки“. Ко второму—„Дядюшка Яковъ“, „Дѣдушка Мазай и зайцы“, „Соловьи“ и другія.

Жизнь крестьянскаго ребенка полна чарующей прелести, несмотря на темныя свои стороны. Часто онъ голоденъ, оборванъ, побитъ, но зато наступаетъ лѣто и онъ на полной свободѣ, которая нашему городскому ребенку и во снѣ не снится. То онъ удитъ въ рѣкѣ рыбу или купается, то собираетъ въ лѣсу ягоды, грибы, ловитъ птицъ, змѣй. Съ утра до вечера на воздухѣ, въ широкомъ раздольѣ полей и лѣсовъ. Онъ любитъ наблюдать за птицами, насѣкомыми, зато онъ нерѣдко въ мельчайшихъ подробностяхъ знаетъ жизнь того или иного представителя животнаго царства. Придетъ сѣнокосъ, мальчишки и дѣвчонки за ними, знай себѣ катаются, взгромоздившись на до-верху нагруженномъ возу. Зимой ѣздятъ на салазкахъ, на конькахъ, играютъ въ снѣжки, лѣпятъ бабъ. Они по-

ражаютъ своей самостоятельностью. Смотришь, 5—6 лѣтняя дѣвушка нянчитъ младшихъ братишку или сестренку, оставаясь одна въ домѣ, когда старшіе уйдутъ на работу. Или семилѣтній карапузъ возитъ зимой изъ лѣса дрова, хворостъ, считаетъ себя важнымъ членомъ семьи, „мужикомъ“.

„Крестьянскія дѣти“ списаны съ натуры. Иначе бы невозможна была такая близость къ дѣйствительности. Содержаніе само по себѣ не сложно, но въ едва уловимыхъ чертахъ характерно для крестьянскихъ дѣтишекъ, для ихъ психологіи. Уставшій охотникъ забрелъ отдохнуть въ какой-то сарай. Вдругъ онъ слышитъ шепотъ и у щели блестятъ ласковые, добрые, дѣтскіе сѣрые, каріе, синіе глазки“. Дѣтишки заняты разсматриваніемъ наружности охотника. Они не могутъ рѣшить, „баринъ то или нѣтъ“: у баръ бороды не бываетъ, усы“ но—у него „часы и цѣпь золотая, какъ солнце горитъ“. „Ружье! замочки рѣзные“—„глядитъ!“ живо всѣ разсыпались въ разныя стороны. Охотникъ затихъ, прищурился, снова подкрались и зашептали „не баринъ: какъ ѣхалъ съ болота, такъ рядомъ съ Гаврилой“. Охотнику захотѣлось потѣшить ребятъ, онъ крикнулъ: „воры идутъ!“, дрессированная собака поспѣшно началъ прятать вещи въ сѣно. Тутъ ребята забыли свой страхъ, заставляли Фингала умирать и продѣлывать другія штуки, смѣясь такъ заразительно какъ будто были одни.

Другая не менѣе, пожалуй даже болѣе, яркая картинка изъ „Крестьянскихъ дѣтей“. По дорогѣ изъ лѣсу, ведя подъ уздцы лошадку, везущую дрова, идетъ малюсенькій мужичекъ, въ сапогахъ, въ полушубкѣ. Прохожій спрашиваетъ откуда, онъ; мужичокъ отвѣчаетъ: „изъ лѣсу, отецъ рубитъ, а я отвожу... Семья-то большая, да два человѣка всего мужиковъ-то: отецъ мой да я“.—„А кой тебѣ годикъ?“—„Седьмой миновалъ“.

Тому, кто живетъ въ деревнѣ, сталкиваясь близко съ крестьянской средой, послѣдняя сценка не покажется неправдоподобной.

Совершенно противоположнымъ тономъ написанъ „Плачъ дѣтей“. Въ крестьянскихъ дѣтяхъ такъ и кипитъ жизнь, въ дѣтяхъ же фабричныхъ, описанныхъ въ этомъ стихотвореніи, всякая жизнь убита непосильной, однообразной работой, въ душной атмосферѣ. Первые, кончивъ работу, готовы рѣзвиться; вторые же, съ трудомъ добравшись до дому, норовятъ скорѣй заснуть. Не послѣднее мѣсто по качеству и количеству занимаютъ „Покаянныя пѣсни“. Онѣ являются порывомъ раскаянья въ своихъ проступкахъ, совершенныхъ въ борьбѣ съ жестокими обстоятельствами. Ничего особенно сквернаго Некрасовъ въ своей жизни не сдѣлалъ, на его мѣстѣ многіе бы считали себя идеаломъ человѣка. Онъ же, умѣвшій прощать другимъ крупные недостатки, видѣлъ въ себѣ самые мелкіе, боролся съ ними, но безуспѣшно. Облегченіемъ ему служило покаяніе въ стихахъ, написанныхъ такъ, что изъ каждой строки сквозитъ глубокое огорченіе своимъ несовершенствомъ. Угрызенія совѣсти были настолько сильны, что Некрасовъ въ „Рыцарѣ на часъ“ говоритъ.

Что враги! пусть клевещутъ язвительно!
Я пощады у нихъ не прошу!
Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу.

Стихотворенія, посвященныя любви, за исключеніемъ двухъ-трехъ, являющихся подражаніемъ, своеобразны. Таковы „Когда изъ мрака заблужденія“, „Я посѣтилъ твое кладбище“ „Ты всегда хороша несравненно“ и другія. Всѣ эти пѣсни написаны оригинально, поэтично. Но свойство Некрасова лучше всего писать о томъ, что для него является насущной идеей, ска-

зывается въ нихъ: они далеко уступаютъ стихотвореніямъ, касающимся вопросовъ общественной жизни. Некрасовъ, какъ извѣстно, преклонялся передъ женщиной, это проскальзываетъ его въ произведеніяхъ. Въ своихъ пѣсняхъ любви онъ съ поразительною нѣжностью говоритъ о „ней“ онъ поднимаетъ „ее“ на пьедесталъ, она для него не только жена или любовница, но прежде всего другъ. Въ поименованныхъ стихотвореніяхъ, она даже служитъ бодрящимъ элементомъ, она не теряется въ нуждѣ, и тѣмъ нѣжнѣе и свѣтлѣе любитъ ее другъ.

Значеніе дѣятельности Некрасова.

Вопросъ о поэзіи Некрасова еще до сихъ поръ споренъ. Немногіе изъ нашихъ писателей вызывали такіе разнорѣчивые толки, не только при жизни, когда можно было объяснить ихъ пристрастнымъ отношеніемъ въ ту или иную сторону, но и послѣ смерти поэта, вотъ уже въ теченіи четвертаго десятилѣтія. Во враждебномъ отношеніи, къ Некрасову поэту, участвовало такое же отношеніе къ нему, какъ къ человѣку. Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить отношеніе Тургенева къ Николаю Алексѣевичу. Отношенія ихъ, несмотря на дружбу, были крайне неровны. Въ періоды пріязненнаго настроенія, мнѣніе таково: стихи собранные во-едино, „жгутся“. Въ минуты, же каприза говорилъ Тургеневъ, что стихи Некрасова — полное отсутствіе поэзіи. Таково же было отношеніе къ поэту и многихъ другихъ лицъ.

Но зададимъ себѣ вопросъ: что же такое было въ произведеніяхъ Некрасова, если они, представляя изъ себя „полное отсутствіе поэзіи“, все же пріобрѣли въ массѣ такое широкое распространеніе и симпатіи. Было бы еще понятно, если бы они занимали публику

тотчасъ же по выходѣ въ свѣтъ, какъ имѣющія интересъ современности. Но вѣдь популярность Некрасова не уменьшилась, если не увеличилась, до нашихъ дней, и слава поэта не померкнетъ никогда.

Противники Некрасова ставили ему въ вину его будто бы „тенденціозность“, разсчитанную на „либеральную толпу“. Вспомнимъ, въ какое время начало проявляться въ стихотвореніяхъ Некрасова то направленіе, которое господствовало въ нихъ впослѣдствіи.

Некрасовъ познакомился съ Бѣлинскимъ въ сороковыхъ годахъ. Послѣдствіемъ этого знакомства является направленіе поэта, доставившее ему безсмертіе, почетъ и, что еще важнѣе, признаніе его поэтомъ, роднымъ своему народу по духу. Но гдѣ же была „либеральная толпа“ въ сороковыхъ годахъ? Только пресловутые дѣятели „Сѣверной пчелы“, Булгаринъ и К°, могли видѣть во всякомъ, кто не съ ними, „либерала“. Тѣмъ менѣе имѣютъ цѣны эти обвиненія въ „тенденціозности“, что люди, его видвигавшіе, представители „чистаго“ искусства, сами становились тенденціозными, лишь дѣло доходило до общественныхъ вопросовъ. Но ихъ тенденціозность была другого типа, чѣмъ у Некрасова: они, какъ это случалось сплошь и рядомъ будучи консерваторами, считали „тенденціознымъ“ только критическое отношеніе къ дѣйствительности „либерализмомъ“—по ихъ терминологіи. Если ужъ имъ такъ хотѣлось приписать Некрасову этотъ недостатокъ, то все же нужно было не вдаваться въ преувеличенія и быть справедливыми.

Но всѣ стихотворенія Некрасова представляютъ собою гражданскіе мотивы; у него есть чисто лирическія, пріобрѣвшія широкую извѣстность. Это—автобіографическія, посвященныя любви или крестьянскимъ дѣтямъ.

Еще вина —„отрицательное направленіе“. Защитники чистаго искусства, свободнаго искусства, почему-то ставили Некрасову ограниченія, забывая о томъ, что если искусство „свободно“, то оно можетъ затрогивать различныя проявленія, какъ личной, такъ и общественной жизни, лишь бы содержаніе было передано въ художественной формѣ. Въ тѣ времена, когда „нѣтъ ничего желаннѣе, прекраснѣе терноваго вѣнка“, поэтъ, желающій быть близкимъ и понятнымъ обществу, не можетъ воспѣвать красоту небесъ или женщинъ, а можетъ и долженъ избрать мотивомъ своихъ художественныхъ созданій гражданскіе интересы. Поэтъ можетъ быть „пророкомъ“; если же не чувствуетъ въ себѣ на это достаточно силы, размышлять по поводу того или иного факта.

Слѣдовательно, Некрасовъ ничѣмъ не прегрѣшилъ противъ „чистаго искусства“. Противники выдвигали еще одинъ пунктъ — придуманность сюжетовъ. Всякая натянутость легко чувствуется, и если цѣлое такое произведеніе въ первый моментъ и можетъ произвести впечатлѣніе, то все же скоро забывается, не оставляя въ умѣ и душѣ слѣда. Такова ли судьба Некрасова? Мѣсто ли говорить о придуманности по отношенію къ нему? Кто такъ хорошо знаетъ жизнь различныхъ круговъ? Въ имѣніи отца, въ дѣтствѣ, лѣтомъ во время своихъ охотничьихъ поѣздокъ онъ сталкивается съ крестьянами; съ лицами высшаго и средняго общества встрѣчается въ англійскомъ клубѣ, въ которомъ ежедневно, въ теченіе многихъ лѣтъ, играетъ въ карты, также въ канцеляріяхъ „хозяевъ литературы“, куда его призываютъ для внушеній по поводу журнала. Съ бѣдняками онъ сближается въ періодъ первыхъ лѣтъ своего столичнаго мыканія.

Но, говорятъ враги, отчего же Некрасовъ не всегда такъ ярко пишетъ въ одномъ направленіи? Да потому,

что лишь послѣ крымской войны литература получила относительную свободу, и поэтъ получилъ возможность говорить прямо, безъ замалчиваній, о томъ, что его мучило, влекло, что составляло цѣль его жизни.

Собственно, въ чемъ же выразилось у Некрасова „отрицательное направленіе“? Онъ возставалъ противъ крѣпостного права, пошлости взяточничества, развращенности чиновничьей и помѣщичьей среды,—то-есть только подтверждалъ то, что составляло чиновные интересы лучшихъ людей эпохи.

Уже упоминалось, что Некрасовъ прочелъ, хотя и въ переводѣ, всѣхъ европейскихъ классиковъ и тѣмъ сумѣлъ развить въ себѣ поэтическое чутье. Обладая къ тому сильнымъ умомъ и будучи чуждъ мелочному самолюбію, все же не считая себя первокласснымъ поэтомъ, признавалъ свое значеніе въ литературѣ. Правда, онъ говорилъ про свой стихъ: „нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной, мой тяжелый, неуклюжій стихъ... нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства“.

Дѣйствительно, стихъ Некрасова уступаетъ пушкинскому, но онъ совершенно оригиналенъ, удивительно ярко передаетъ настроеніе, легко запоминается. Некрасовъ писалъ не всегда равно: когда онъ затрагивалъ тему, волнующую его, онъ писалъ наиболѣе легко и сильно, въ другихъ случаяхъ стихъ блѣднѣетъ, образы дѣлаются менѣе яркими, расплываются. Еще одно доказательство искренности Некрасова: описанія природы очень кратки у него, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильны и своеобразны. Вотъ два коротенькихъ примѣра.

„Какъ молокомъ облиты
Стоятъ сады вишневые
Тихохонько шумятъ“...

„И липа блѣдно-листая,
И бѣлая березанька
Съ зеленою косой“...

Значеніе Некрасова-поэта огромно — онъ является проповѣдникомъ освобожденія личности отъ гнета помѣщиковъ, предразсудковъ, лжи, порока. Признаніемъ того, что Некрасовъ-поэтъ неотдѣлимъ отъ Некрасова-гражданина, все объясняется.

Значеніе Некрасова не только въ его поэтическихъ произведеніяхъ—Некрасовъ извѣстенъ и какъ выдающійся журналистъ.—Сначала издатель-редакторъ „Современника“, затѣмъ „Отечественныхъ записокъ“.

Некрасовъ находилъ, что каждый долженъ быть гражданиномъ. За интеллигенціей онъ признаетъ долгъ расчищать дорогу самосознанію массъ, разрушать вѣковые предразсудки. Онъ говоритъ.

„Сѣйте, разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте, спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!“

Про себя онъ говорилъ, что

Доля народа,
Счастье его,—
Свѣтъ и свобода
Прежде всего“.

У такого человѣка, какъ Некрасовъ, въ общественномъ отношеніи, дѣло и слово не могли идти въ разрѣзъ. И вотъ, онъ ставитъ цѣлью своей журнальной дѣятельности—пролитіе свѣта въ общество. Для этого онъ собираетъ вокругъ журнала лучшія литературныя силы, выбираетъ въ извѣстномъ направленіи научныя статьи и беллетристику. Ему удается создать лучшій въ Россіи журналъ. Онъ отлично понимаетъ, что важно содержаніе статьи; безразлично кѣмъ она написана—человѣкомъ ли, обладающимъ свѣтскимъ лоскомъ, или, бывшимъ въ то время въ такомъ загонѣ, оборваннымъ семинаристомъ.

Онъ принимаетъ въ число постоянныхъ сотрудниковъ „Современника“ Добролюбова и Чернышевскаго,

цѣнить ихъ образованность, умъ, находитъ, что люди ихъ типа сдѣлаютъ много въ области литературы.

Некрасовъ говаривалъ, что его авторское самолюбіе было бы удовлетворено, еслибы послѣ его смерти русскій мужикъ читалъ его стихотворенія.

Русское общество поняло Некрасова, оцѣнило его. Было время, когда отрывокъ „укажи мнѣ такую обитель...“ сталъ распространенной студенческой пѣснью.

Послѣ его смерти появились стихотворенія, вѣрно выражающія мнѣніе интеллигенціи о личности поэта:

Вотъ отрывокъ изъ одного изъ нихъ

„Будешь жить ты въ памяти народной
Навѣки сохранишься въ ней,
Поэтъ могучій, геній благородный,
И слава родины твоей“.

Въ заключеніе позволимъ себѣ привести стихотвореніе бывшаго воспитанника кіевской военной гимназіи, Владиміра Д-на, написанное тотчасъ же послѣ смерти поэта, прекрастно характеризующее въ краткихъ словахъ все значеніе дѣятельности Некрасова.

„Новая въ небѣ заря загорается,
Лучъ проникаетъ въ избушки крестьянъ;
Русскій народъ ото сна просыпается,
Въ даль отлетаетъ холодный туманъ.
Пѣсню пропѣлъ ты великую, смѣлую;
Пѣсня твоя на Руси не умретъ:
Грудью свободною, массою цѣлою
Скоро затянетъ ее весь народъ.
Скоро пойдетъ онъ великой дорогою,
Этой дороги великой конецъ
Ты указалъ ему лирою строгою
Полною правды, нашъ русскій пѣвецъ!
Пусть еще пѣсня твоя не допѣта,
Ею ты чуткихъ людей пробудилъ;
Не былъ забавой великаго свѣта.
Бѣдный народъ ты душою любилъ.
Чернорабочій въ „дорогѣ желѣзной“

Блѣдный, худой передъ нами возсталъ,
Силы терпѣнья, энергіи бездной
Этотъ великій мужикъ обладалъ.
Тотъ же крестьянинъ въ „подъѣздѣ парадномъ"
Даромъ ходилъ все за правдой, судомъ
И говорилъ о житьѣ безотрадномъ...
Сѣятель, ты намъ напомнилъ о немъ!
Женщинѣ съ голоду павшей, „убогой"
Подалъ ты руку, какъ другъ или братъ,
Падшей „народной„ сатирою строгой
Бросилъ въ лицо, обличая развратъ.
Трудъ ты хвалилъ, называлъ благороднымъ,
Слабыхъ душой, поддержалъ на пути;
„Школьникамъ" силы ты подалъ безроднымъ
Новою въ жизни дорогой идти!"...

84142

Содержаніе.

стр.

Біографія 7

Разборъ произведеній:

Стихотворенія, посвященныя крестьянской жизни 34
Стихотворенія посвященныя русскимъ женщинамъ . . . 57
Стихотворенія о чиновникахъ и помѣщикахъ 59
Сатирическія стихотворенія. 63
Стихотворенія, посвященныя русскимъ дѣтямъ 70
„Покаянныя пѣсни“ 72

Значеніе дѣятельности Некрасова. 73